Виридитерра: начало пути

Автор:
Тери Ли

Виридитерра: начало пути

Тери Ли

Жизнь шестнадцатилетнего Ноа переворачивается с ног на голову в мгновение ока. С появлением на его пороге фрау Энгстелиг он оказывается затянут в водоворот странных и страшных событий. Волею судьбы парень отправляется в путь, в новый и неизвестный мир Виридитерру. Ему предстоит обучение в магической академии Хексендштадт. Теперь Ноа должен постичь тайны магического искусства и найти свой Артефакт, чтобы поквитаться с человеком, из-за которого начался весь этот хаос в его жизни. Ему предстоит узнать, что на Виридитерре за закрытыми дверями свои секреты прячут все – даже его семья.

ОБЛОЖКА РАЗРАБОТАНА С ПОМОЩЬЮ FREEPIK.

Тери Ли

Виридитерра: начало пути

Магические чины

Приор (муж.)/ приора (жен.) – маги, прошедшие обучение в академии Хэксенштадт. Не имеют больших заслуг в магическом ремесле, но могут занимать высокие посты.

Сир (муж.)/ фрау (жен.) – высокий чин на Виридитерре. Эти маги проявили себя в военном деле, входят в Конклав, могут занимать высокие должности в организациях, непосредственно связанных с магией.

Паладин – высший магический чин. Современная Виридитерра насчитывает всего несколько паладинов. А все потому, что такие маги встречаются крайне редко. Их силы настолько велики, что они могут творить потрясающие вещи, например, в одиночку справиться с целой армией или перемещаться без помощи проводников в другие миры.

Типы магии

Шевалье.

Магические рыцари. Магический дар заключен в использовании прикосновения.

Ригарди.

Магический дар заключен в использовании взгляда.

Вуа.

Магический дар заключен в использовании голоса.

Тейт.

Ясновидящие. Это те, кто способен заглядывать в прошлое и делать расплывчатые и таинственные предсказания будущего. Это самый редкий и нестабильный вид магии.

Пролог

Этот мир встретил нового человека в сумерках, среди деревьев почти безлюдного парка, затерявшегося в глубине большого города. Он, оглядываясь по сторонам, тяжелой поступью вышел из-под крон деревьев на свет фонарей. Но никто из немногочисленных прохожих не обратил на него внимания, кроме Атрея. Этот широкоплечий грек лет сорока заметил и яркую вспышку, и движущийся ствол дерева, из которого и вышел незнакомец. Атрей не поверил своим глазам, а потому списал все на игру воображения. Он посмотрел на своего пса, но его обычно игривый ризеншнауцер сидел на земле и дрожал, не сводя взгляда с незнакомца.

Сам Атрей не чувствовал страха. Наоборот, такое поведение пса лишь только раззадорило природное любопытство грека. Поэтому, когда незнакомец наконец двинулся с места, Атрей пошел за ним. Ризеншнауцер вяло плелся позади, и мужчине то и дело приходилось дергать поводок и тянуть пса.

Атрей оборачивался на других посетителей парка, и замечал в их взглядах какую-то настороженность и неприкрытый страх, когда их взгляд непроизвольно цеплялся за фигуру этого странного человека. Но стоило ему выпасть из их поля зрения, вся обеспокоенность исчезала с их лиц, как будто они забывали о его существовании.

Атрей следовал за незнакомцем. В нем проснулся дух приключений, дремавший с тех пор, как он окончил университет и устроился на работу. Дух приключений и любовь к авантюрам, накопившиеся за эти годы, нашли выход спустя почти двадцать лет.

Незнакомец резко свернул и скрылся за деревьями, и Атрей, ужаснувшись тому, что потерял его из виду, потянул упрямого пса за поводок сильнее.

– Ну же, Маертай, – проговорил мужчина, повернувшись к псу, – давай, не упрямься.

Ризеншнауцер пригнулся, а затем резко и зло зарычал. Атрей, удивленный этим – его Маертай никогда не рычал на него! – обернулся и почти вплотную столкнулся со странным человеком. От неожиданности грек вздрогнул и отступил на шаг назад. Под рык и тявканье пса Атрей как завороженный всмотрелся в лицо человека. Он был очень высоким, и поэтому нависал над Атреем словно грозная скала. Теперь, при более близком рассмотрении, он мог

сказать, что его короткие волосы были белыми, как снег, но он был достаточно молод для седины, а кожа – такой же бледной, под стать волосам. Но почему-то ни это, ни его безобразное обожженное с левой стороны лицо с орлиным носом и тонкими плотно сжатыми губами не заинтересовывало никого в этом парке, кроме самого Атрея. Ничьего внимания не привлек и его странный наряд. Длинный черный плащ, обрамленный по краям толстой золотистой лентой, частично прикрывал белую рубаху и черные штаны. На поясе у него находились небольшая сумка и еще несколько непонятных для Атрея вещей. Он никогда не видел ничего подобного даже в антикварных лавках, в которые частенько захаживал. На груди у человека висел медальон – большой синий камень ромбовидной формы в серебряной огранке. А в ножнах на поясе покоился двуручный меч.

Но даже не это столько удивляло Атрея, сколько глаза странного человека. Правый глаз его был угольно-черным – да таким, что мужчина даже не видел в нем своего отражения, – в то время как левый, на котором расползался уродливо зарубцевавшийся ожог, был светло-серым.

Атрей по своей природе плохо разбирался в людях, но какое-то внутреннее чувство, что хорошему человеку такие пустые и холодные глаза не принадлежат. По горькому опыту он знал, что внешность людей обманчива, и как бы ужасен человек ни был снаружи, у него может быть доброе сердце. Но, нет, этот человек явно не был хорошим. Неприятное чувство страха закралось в сердце Атрея, и заставило его отступить от незнакомца, сверлившего его взглядом. Но человек сделал шаг ему навстречу, и грек не на шутку разволновался. Что ему могло понадобиться? Он заметил, что Атрей пытался за ним проследить? Но ведь он был с собакой, а это происшествие можно списать на обычную прогулку, ведь все происходило в пределах парка. Не станет же этот человек его бить, когда вокруг столько свидетелей?

– Что это за город? – послышался холодный и неприятный голос.

Атрей на секунду опешил – от этого голоса по коже у него бежали мурашки, и волосы встали дыбом на голове.

– Это Афины, – произнес мужчина тихо и нерешительно, словно сомневался в своих словах.

– Хм, – задумчиво изрек незнакомец и добавил: – Как мне выйти из этого… места?

Атрей с секунду думал, что означает вопрос незнакомца. Имел ли он ввиду город или все же просто парк? Скорее всего парк, поэтому мужчина развернулся корпусом в противоположную сторону и указал рукой вперед.

– Если идти в ту сторону, то можно выйти из… – проговорил Атрей и повернулся к незнакомцу.

Договорить он не смог просто потому, что больше его некому было слушать. Незнакомец растаял в воздухе, словно его и не было. Атрей обеспокоенно осмотрелся кругом и просто не мог взять в толк, куда пропал этот человек, ведь вокруг было открытое пространство! Не привиделся же он ему, в самом деле. И желая убедиться в здравии своего ума, он подошел к молодому парню, сидящему на лавке у фонаря и спросил:

– Извините, вы случайно не видели, куда пошел мужчина, с которым я только что разговаривал?

– Какой мужчина? – непонимающе произнес парень. – Я… я не заметил никакого мужчины.

Атрей огляделся по сторонам еще раз, не веря своим ушам. Он ведь видел этого человека! Прямо перед собой, только что! Он снова обернулся к парню и хотел было что-то спросить, но вопрос растворился в его памяти, как бывает, когда мы хотим сказать что-то важное. Атрей на секунду задумчиво уставился в землю, а затем понял, что не помнит, зачем подошел к парню.

– О чем мы говорили? – спросил он.

– Не знаю, – растерянно бросил парень и, поднявшись, ушел от греха подальше.

Маертай рядом с Атреем гавкнул, заставляя обратить на себя внимание:

– Пора домой, дружок, – произнес грек, кивая псу. Атрей мог поклясться, что в эту секунду в глазах Маертая проскочило что-то вроде обеспокоенности, но ведь

ему вполне могло показаться, потому что это был обычный вечер и самая обычная вечерняя прогулка без происшествий.

Глава 1

Ноа дожевывал бутерброд, сидя под лестницей в одном из корпусов лицея. Здесь обычно во время уроков собирались ученики, чтобы прогулять занятия. Ну а Ноа сбегал сюда в особо неприятные дни.

Такой выдался и сегодня.

Началось все еще ночью, когда ему снова приснился кошмар. Ноа видел этот сон с шести лет, но обычно он посещал его не так часто. Он мог присниться раз в полгода, и Ноа к этому привык. Но в последние недели что-то изменилось. Кошмар теперь мучил его каждую ночь. Ноа снова не выспался и чувствовал себя отвратительно.

И будто мало парню всего этого, так прямо у входа в лицей к нему прилип местный задира Карион Хадзис. Он, будучи парнем рослым, зажал Ноа у стены и не пропускал внутрь, пока они с друзьями вдоволь не поиздевались над ним, придумывая самые глупые шутки. Но Карион не всегда был таким невыносимым, обычно он по пятам ходит за своей подружкой Мелет. Вот только стоит ей не прийти в школу, Карион отрывается как может. И чаще всего отрывается именно на Ноа, на защиту которого может встать только дежурный учитель, а это просто станет еще одним поводом для издевательств.

Прозвенел звонок, но Ноа даже не шелохнулся. На четвертый урок он идти не собирался – нужно отдохнуть, от неприятностей, навалившихся на него сегодня. К тому же он снова чувствовал странное покалывание в пальцах. Было не больно, но неприятно, будто получаешь маленькие разряды тока.

От безделья и тишины в голову полезли непрошенные гости – фрагменты из его кошмара. Вообще, этот сон начинался совсем не страшно и был похож на историю из детских сказок.

Два подростка – светловолосая девушка и темноволосый юноша – гуляют на солнечной поляне. Юноша одет в широкую ярко-желтую накидку, с нашитым на спине гербом – белый грифон с мечом на синем поле, и красные чулки. На ногах у него красуются коричневые сапоги из мягкой кожи. Наряд девушки не менее причудливый: длинное лиловое платье с узкими рукавами, расширяющимися к запястью, и золотой пояс, украшенный россыпью камней. Ребята кружатся на поляне, держась за руки, Ноа то и дело слышит их звонкий смех. Они юны и так беззаботно счастливы.Их лица всегда скрыты от взора Ноа. Однако фигура девушки отдаленно напоминала парню кого-то, но вот кого?

Затем картинка меняется. Теперь Ноа находится в причудливом – словно из Средневековья – зале пиршеств. Толстые каменные стены, украшенные гобеленами, шкурами каких-то животных. А в центре зала – самый большой из них, изображающий черного орла, хватающего змею, на серебряном поле. Маленькие пестрые птички летают над высоким потолком и весело щебечут. Солнечные лучи пробиваются сквозь арочные окна и розу – большое, круглое, витражное стекло. Гости – а их там сотни две, не меньше – в праздничных нарядах, сидят на деревянных скамейках, и смотрят на молодых людей. Они уже явно повзрослели с того момента на поляне, но сейчас не меньше счастливы, чем были тогда. Он – в белой рубашке с пышным жабо, черных брюках и накинутой сверху черной безрукавке – нежно держит за руку свое сокровище. Атласное платье девушки цвета капучино, со вставками из молочного кружева, и тонкий атласный поясок идеально подчеркивают ее тонкую талию. В белоснежные волосы вплетено несколько цветков золотистой лилии. Все в этом зале из белого мрамора словно замирают, ожидая зарождения новой семьи.

Но картинка снова меняется. Ноа оказывается в огромной комнате из серого камня. Молодой мужчина в черном камзоле, с аккуратно уложенными назад волосами, в ярости сбрасывает огромные фолианты со стола. Затем он стремительно переносится к дальней стене и сметает все книги с полок. Дальше, под его жестоким ударом, разбивается зеркало. Осколки с характерным звоном падают на пол. Продолжить погром молодому мужчине мешает женщина, влетевшая в комнату. Она бросается к нему и крепко обнимает. Ее тело содрогается от рыданий, и Ноа слышит тихие всхлипы. Мужчина обессиленно закрывает глаза и начинает гладить светлые женские волосы.

«Оставь свою затею. Ты разве не видишь, что она убивает тебя?» – шепчет женщина. Мужчина молчит.

После этого видение темнеет на несколько жалких секунд. Ноа оказывается посреди темного леса, деревья которого как будто смыкаются над небосводом, пряча от путников звездное небо. Каким-то необъяснимым способом парню передаются тревога и беспокойство высокого костлявого старика с жидкой серебряной бородкой в суконном балахоне и тростью, все куда-то спешащего и подталкивающего вперед молодую женщину и широкоплечего мужчину средних лет с медными волосами. Голос старика не соответствует его дряхлому образу – его бас гремит, словно гром среди ясного неба, призывая спутников торопиться.

«Они скоро будут здесь! Пошевеливайся, девочка!» – кричит старик молодой женщине, прикрывающей свое лицо.

В этот самый момент мертвенную тишину ночного леса разрывает стук копыт, и в который раз заставляет Ноа изумиться: не могли же всадники взять и появиться из воздуха прямо здесь. Старик в балахоне гневно озирается, ругается себе под нос и, подозвав к себе широкоплечего мужчину, дает ему последние указания. Этот самый мужчина уводит прочь молодую женщину, оставляя старика наедине с приближающимися всадниками.

Ощущение погони – столь сильное и почти реальное – всегда пугает Ноа. Он никак не может заставить себя не бояться этих призрачных всадников, следовавших по пятам за беглецами, а не за ним. Но чувство преследования неизвестным врагом обостряют картины – гул голосов, сливающихся воедино, стенания, крики и всхлипы, как будто исходящие от огромного развесистого дерева, сгорающего в белом пламени.

На глазах юноши горит древний исполин, но Ноа готов поклясться, что горит он сам. Парень пытается твердить себе, что это все сон, но жар пламени так неподдельно реален, что убедить себя почти невозможно. И сложнее всего это делать, когда прямо перед ним – призраком в чужой истории – оказываются всадники на огромных косматых шайрах, и Ноа – словно и вправду находится там – чувствует запах конского пота и слышит тяжелое дыхание скакунов. Старика с жидкой серебряной бородой не видно, и юноше не приходится гадать о его судьбе, в очередной раз видя окровавленный меч предводителя всадников. Мужчина спешивается со своего огромного скакуна и, в гневе снимая шлем, бросает его на землю. И Ноа пугает яростный рев и крик.

«Я найду вас! Вам не спрятаться от меня!» – кричит мужчина, обращаясь к дереву, и столпы белого пламени как будто поднимаются еще выше, следуя зову его голоса.

Тело Ноа охватывает белое пламя, и он с криком просыпается.

В первый раз, когда парень увидел этот сон, его мать – Нея – прибежала в комнату. В ее глазах читалось нешуточное беспокойство за сына. Она крепко обнимала Ноа и пыталась его успокоить. Тогда шестилетнего мальчика пробрала дрожь. Его трясло, и он все никак не мог успокоиться. Когда Нея узнала, что Ноа приснилось, ее лицо посерьезнело. Она пообещала, что все будет хорошо, но мальчик почему-то ей не поверил. Наверное, виной всему были слезы, собиравшиеся в уголках ее глаз.

Несколько раз Ноа пытался узнать у матери, хоть что-нибудь о людях из кошмара – ему казалось, что Нея понимает, о чем он говорит. Какое-то неведомое чувство заставляло его думать, что этот страшный человек из сна знает Нею. Да и люди из кошмара казались смутно знакомыми, даже если он никогда не мог рассмотреть их лиц, сколько бы не пытался. Но женщина молчала. И у нее портилось настроение, когда он пытался об этом заговорить. Поэтому Ноа перестал спрашивать, и лишь надеялся, что все разрешится само собой.

Последние несколько недель – именно с этого времени ночной кошмар Ноа зачастил – Нея стала опекать сына еще сильнее. Теперь она не разрешала парню прогуливаться по Афинам после школы. Ноа это бесило, но матери он не перечил. Ему не нравилось видеть маму в плохом настроении. Она была его единственным родным человеком. И даже более того: единственным другом, ведь даже в школе он не обзавелся хотя бы несколькими приятелями. Возможно, причина крылась еще и в том, что внешне он отличался от греков, имея платиновые волосы, голубые глаза и слишком бледную кожу. Он был щуплым и не особо высоким, из-за чего собственно Карион и избрал его своей любимой жертвой.

С тех пор, как Ноа исполнилось, шестнадцать, он все набирался сил поговорить с Неей про их семью. Парень с рождения рос без отца, не знал своих дедушек и бабушек. Поэтому очень хотел понять, кто он помимо сына Неи? Почему родственники никогда их не навещали и не пытались связаться?

Покалывание в кончиках пальцев стало усиливаться и распространяться по всему телу, а к концу урока стало почти невыносимым. Внутренности Ноа буквально горели, поэтому парень, не дожидаясь звонка, выскочил из своего укрытия и отправился на улицу. Ему просто был необходим глоток свежего воздуха.

Ноа выбежал во двор. В лицее раздался звонок, парень слышал этот звук, но из-за гула в ушах казалось, что он доносится издалека. На улице стало еще хуже, Ноа почувствовал невыносимую боль – как будто каждая клеточка его тела горела. Он совсем не понимал, что делает, но миновал лицейские ворота и двинулся вдоль по улице. Он слышал за спиной крики дежурного учителя, возмущенного тем, что Ноа не просто пропускал уроки, а собирался смыться со школы. Но Ноа было все равно. Ему просто хотелось почувствовать себя в безопасности.

Туристы и другие прохожие с опаской смотрели на бледного парня, но подойти не решались. Ноа плелся мимо домов, выкрашенных белой краской, затем повернул за угол и прошел еще немного. Боль в теле все нарастала, кровь в ушах стучала, а время вокруг как будто замерло. Силы покидали его. Ноа шел, еле переставляя ноги, и уговаривал себя: «Еще чуть-чуть». Пока не очутился в своем дворе. Там он почувствовал секундное облегчение, очутившись рядом с домом, а затем потерял сознание.

Очнулся Ноа уже в своей постели. Голова раскалывалась, как будто его чем-то ударили тяжелым по голове, а на лбу лежал холодный компресс, который все равно не особо помогал. Перед ним сидела Нея и нежно держала его за руку. Она была очень бледной и смотрела куда-то в пустоту. Волосы она забрала в высокий пучок, оголяя тонкую шею. Мама Ноа выглядела молодо, едва ли ей можно было дать больше тридцати лет.

– Мам, – тихо позвал Ноа, и женщина вздрогнула.

Она вымученно улыбнулась:

– Тебе уже лучше?

– Ну да, – ответил Ноа и вспомнил, что он сбежал сегодня с занятий и никого не предупредил. – Тебе, наверное, будут звонить из лицея. Я… я честно не хотел

уходить, просто…

– Все в порядке, – Нея похлопала парня по руке, – я им все объясню. А сейчас тебе нужно поспать и обязательно станет легче.

Но Ноа не хотел так просто сдаваться. Он всегда молчал, боясь расстроить маму. А теперь просто хотел узнать, что с ним произошло, почему она хотя бы врача не вызвала. Он открыл рот, чтобы спросить, но Нея его опередила:

– Просто отдыхай, а потом я тебе все честно расскажу, – мама поцеловала его в лоб.

И вот опять Ноа сдался. Он просто не умел расстраивать мать. Да и не хотел, потому что знал, как ей тяжело растить его одной. Поэтому Ноа закрыл глаза. В теле еще ощущались слабые пульсации, но они и сравниться не могли с той болью, что парень уже перенес.

Уже через пару минут он провалился в сон.

***

Нея хотела посидеть с сыном – она знала, как ему было сейчас тяжело. Женщина слишком хорошо помнила, как сама перенесла пробуждение силы. Такую боль вряд ли когда-нибудь можно забыть. Но сама она хотя бы знала, ради чего это все. А Ноа всю жизнь был в неведении – Нея и представить не могла, как ему сейчас страшно.

Остаться в комнате женщине помешал звонок в дверь. Плохое предчувствие закралось в ее голову, ведь соседи привыкли к тому, что она не особо приветлива, и не стали бы лишний раз напрашиваться в гости.

Нея с трудом подавила чувство страха – несмотря на прошедшее время, она помнила, на что способны эти люди. И, к сожалению, слишком хорошо понимала, что если дело обстоит так, как она думает, то они не уйдут, пока не добьются своего.

На негнущихся ногах она спустилась на первый этаж и отворила входную дверь. Увидев незваную гостью, Нея поняла, что предчувствие не было пустым. На пороге стояла невысокая женщина с короткими волосами цвета воронова крыла. Бледное лицо было исполосовано тонкими и толстыми шрамами, зарубцевавшимися от времени, на щеках, переносице, лбу и даже проходящий через тонкие плотно сжатые губы. Ее правый глаз закрывала черная повязка, а левый с интересом изучал Нею. Затем женщина неприятно ухмыльнулась и проговорила:

– Давно не виделись, Нея. Нам необходимо поговорить.

Даже несмотря на то, что прошли долгие шестнадцать лет, в остальном ее гостья ничуть не изменилась. Была столь же прямолинейна, груба, суха и немногословна в общении. Она все также предпочитала в одежде черный цвет и ценила комфорт превыше красоты, даже несмотря на то, что принадлежала к старому аристократическому роду. Гостья не отказывала себе в роскошных нарядах – это подтверждали черная мантия, белый добротный камзол, черные брюки из мягкой ткани и высокие тяжелые сапоги. Но вместе с этим она занашивала их до невозможности, о чем Нея догадалась, увидев потертые и истрепавшиеся манжеты, сбитые носы сапог и грязь на них. Гостья так и не избавилась от привычки держать руку на резной рукояти кинжала, ее Артефакта, покоящегося на роскошной кожаной перевязи, украшенной узорами листьев акант.

Всегда готова к схватке, всегда готова убивать – таким стал девиз этой женщины после событий двадцатилетней давности. Та ночь изменила ее, и бывшая подруга стала незнакомкой для Неи. Гостья все также хмурила лоб и сжимала губы, когда ей приходилось с кем-то говорить, все также смотрела на других хищным волком – теперь уже своим единственным – серым глазом.

Но самое главное, что она все также приносила за собой дурные вести.

Нея нехотя жестом пригласила женщину зайти в дом, а когда гостья твердым шагом вошла, она перед тем, как закрыть двери, выглянула на улицу и обернулась по сторонам.

– Я пришла одна, – произнесла ее гостья и чуть тише добавила: – Пока что.

Нея встревоженно обернулась и посмотрела женщине прямо в лицо. Но та быстро отвела взгляд, неумело сделав вид, что увлеченно рассматривает интерьер гостиной. И дело было не только в том, что она была плохой актрисой. Просто Нея знала, насколько ей плевать. Она откинула тяжелую черную мантию с плеч, чтобы удобнее было что-то достать из небольшой сумки на поясе. Ей не нужно было ничего говорить, чтобы Нея поняла, что это значит.

Они пришли за ним, за ее мальчиком.

Ее гостья на секунду замешкалась, глядя на конверт, который она держала в руках. Как и всегда в мирное время, женщина редко снимала черные перчатки.

– Ты ведь знала, что этот день когда-нибудь наступит, да? – спросила ее гостья, не отрывая взгляда от письма.

– Да, приора Энгстелиг, – ответила Нея грозно, словно львица, защищающая своего львенка. – Но я тебе его не отдам. Никто из вас не получит моего мальчика.

– Я теперь фрау Энгстелиг, – усмехнулась женщина.

– Надо же, – бросила Нея, – как высоко ты поднялась по службе. Получила за эти годы высший титул женщины-мага. Но это ничего не меняет, я не для того долгие годы скрывалась, чтобы вот так просто отдать Ноа.

С губ Энгстелиг не сходила кривоватая усмешка. Она как будто наслаждалась слабой попыткой Неи защитить сына.

– У тебя просто нет выбора, Нея. Он пришел за тобой и за мальчиком. Он в городе и ищет вас уже целые сутки. – Женщина подошла к Нее вплотную. – Дар мальчика пробуждается. Ноа нужен нам.

– Нет, – проворила Нея, не веря своим ушам. – Он не мог… Не спустя столько лет… Как Он нашел нас?

– Он сын своего отца, – упрямо и твердо проговорила Энгстелиг, а затем повторила: – У тебя нет выбора. Уж лучше империя, чем Эрмандад, тебе ли этого

не знать. – Энгстелиг протянула Нее конверт. – Именем Великого Совета магов я, фрау Энгстелиг, доставляю известие о том, что Ноа Вайскопф зачислен в Академию Хексендштадт. Он пройдет посвящение и будет определен в одну из башен. Во славу Вельтерна!

– Больше не Вайскопф, – сказала Нея упрямо. – Ксенака. Мы семья Ксенака.

Нея пыталась не дать волю слезам. Нет, только не перед Энгстелиг. Она будет последним человеком, который должен будет увидеть ее слабости. Вечная соперница, заклятая подруга, которую кое в чем Нее удалось все-таки превзойти. И это «достижение» Неи наверняка долгие годы заставляло Энгстелиг кусать губы и мучиться.

Госпожа Ксенака заставила себя собраться с мыслями и взяла конверт из рук Энгстелиг. Ей не было нужды открывать его, чтобы узнать о его содержимом. Когда-то давно и ей пришло точно такое же. Билет в один конец – письмо о зачислении в Хэксенштадт, где ее должны были научить контролировать дар. Отец очень гордился, когда открывал письмо и хвастался перед многочисленными гостями, которые, казалось, никогда не покидали их имения. Это была другая ее жизнь, проведенная на бесчисленных балах и приемах, проведенная в роскоши и таком хрупком, как оказалось, счастье.

– Он скоро будет здесь, – проговорила Энгстелиг, выдавливая из себя подобие улыбки из сжатых покореженных шрамом губ, – поэтому нужно торопиться и уводить Ноа… и тебя. Твой сын будет под защитой одного из четырех паладинов, а ты попадешь под юрисдикцию Великого Совета магов… Ты вернешься домой, Нея.

Дом… Как сладко и трепетно звучало это вроде бы простое слово даже из уст Энгстелиг. Не было ни одного дня, когда Нея бы не скучала по тому, что оставила там, на Виридитерре. Закрывая глаза, она вспоминала голубые леса Проводников, бескрайние долины зеленых лугов-морей, белокаменные башни родового имения Вайскопфов и частые верховые прогулки с отцом. Она скучала по охоте с ним в лесах, принадлежавших их семье, скучала по теплым рукам матери, вечно пытающейся наставить ее на путь истинный, подбирая женихов из родовитых семейств. Нея скучала по жизни, что оставила когда-то там, проголосовав за жизнь и возможность растить сына вдали от опасности. Вернуться туда! Это все, чего хотела Нея долгие шестнадцать лет и чего не могла себе позволить сделать.

И сейчас, когда Энгстелиг говорила о возможности вернуться на домой, Нея без сомнения знала, что сделает первым, как только ее нога ступит на земли Виридитерры. Она вернется в родовое имение, обнимет мать и попросит прощения у отца. Они увидят Ноа, и тогда – Нея была просто уверена в этом – обязательно все поймут. Род, от которого она отреклась, и который отрекся от нее, теперь снова станет ее семьей. По крайней мере, ей хотелось в это верить. А защитить Ноа здесь, без своей былой силы она не сможет. Да и раньше не смогла бы, поэтому и скрывалась на Земле много лет. Ей остается только положиться на Энгстелиг и ее обещания.

– Ноа наверху, – проговорила Нея, кивая головой в сторону лестницы. – Возьми его, а мне нужно собрать кое-какие вещи.

Энгстелиг коротко кивнула и быстрым шагом направилась к лестнице. Нея проследила за ней взглядом, пока та поднималась, и только тогда госпожа Ксенака позволила себя выдохнуть – каждый разговор с Энгстелиг был подобен хождению по лезвию для нее. Одно неверное слово, неловкое движение – и это дало бы Энгстелиг повод для ликования. Их знакомство, их встречи и прощания всегда были пропитаны поиском изъянов друг друга. А проявлять слабость сейчас, когда Он вернулся, Нея была не намерена. Это была непозволительная для нее роскошь, потому что теперь она должна была быть сильной не только ради чести своего рода и себя самой, но еще и ради ее мальчика, который ничего не знал о месте, откуда был родом.

Да, Нея обязательно все ему расскажет.

Женщина бросилась на кухню – если Энгстелиг права, то времени у них осталось мало, ведь Он уже здесь и скоро их обнаружит. Она распахнула дверцы шкафчика под раковиной и, достав кухонный топорик в одном из выдвижных ящиков, начала бить по стенке, пытаясь ее проломить. В комфорте в этом доме больше нет смысла, а Нее сейчас было просто необходимо забрать эту вещь. Женщина считала своей обязанностью отдать ее Ноа, когда ему исполнится семнадцать, как это происходило в их роду, когда магический дар становился особенно ощутимым. Именно владение этой вещью показывало, что семья горда теми, кем становятся их потомки. Все пошло не плану, когда дар Ноа начал проявляться на год раньше. В иных обстоятельствах Нея бы гордилась этим, но не сейчас, когда это так опасно.

Доска с легкостью поддалась под сильными ударами Неи, и женщина, победоносно улыбнувшись уголками губ, достала из застенка небольшой сверток. И когда Нея только-только собиралась подняться, чтобы что есть мочи рвануть за Энгстелиг и Ноа, за ее спиной прозвучал леденящий душу голос:

– Давно не виделись, Нея.

Противный липкий страх сковал тело Неи в этот момент, и женщина нервно сглотнула. Она пыталась напомнить себе, что для нее важно прямо сейчас, что не время давать этому проклятому чувству подчинить себя. Нея, так и не сумевшая унять дрожь, стараясь сохранить хотя бы внешнее спокойствие, поднялась и, глубоко вдохнув, развернулась лицом к еще одному незваному гостю.

– Ты уже второй человек, который сегодня говорит мне эти же слова, – сказала женщина так твердо, как только позволил ей это сделать страх. – И ты уже второй человек за этот день, которого я бы не хотела видеть в своем доме.

***

Кто-то так резко открыл дверь в комнату Ноа, что та ударилась о стену. От громкого звука парень встрепенулся и разлепил сонные глаза.

В дверях стояла миниатюрная черноволосая женщина. Ее внешность пугала и отталкивала. Парень еще ни разу не видел, чтобы столько шрамов умещалось на одном лице. Единственный глаз жестко смотрел на Ноа, и внутри парня все сжалось.

– Не нужно пугаться, Ноа, – сразу же предупредила незнакомка. – Меня зовут фрау Энгстелиг. Я знакомая твоей матери.

Ноа недоверчиво покосился на женщину.

– Но мама мне ничего не говорила о Вас, – он едва смог выдавить эти слова. Ее вид все равно устрашал.

Глаз женщины угрожающе сузился, и она произнесла ледяным тоном:

– У меня, и у тебя сейчас совсем нет времени на разговоры, глупый мальчишка. Поднимайся, твоя мать ждет нас внизу. Нам нужно как можно быстрее уходить, если ты не хочешь об этом пожалеть.

Ноа ни капельки не доверял этой женщине. Но ее резкий тон заставлял дрожать каждую жилку в теле парня. Он поднялся с кровати, прикидывая, может ли это все оказаться сном. Все сомнения в реальности происходящего отпали, когда его взгляд зацепился за книгу, лежащую на столе. Ноа с легкостью прочел ее название – а это значит, что он точно не спит. По крайней мере, в одной из тех передач, что они смотрели с мамой по телевизору, так говорили.

Странная женщина нетерпеливо постучала пальцами по дверному косяку, подгоняя Ноа. Парень еще раз взглянул на нее. Она больше напоминала злодейку, которых часто показывают в мультфильмах или кино, чем подругу его матери. Положительные герои редко выглядят так отталкивающе и устрашающе. Хотя Ноа так мало знал о своей маме, потому послушно пошел вслед за гостьей.

Парень многое хотел спросить у фрау Энгстелиг, но боялся и не стал задавать вопросов. Вместе они быстро преодолели лестницу. Воздух на первом этаже стал каким-то тяжелым и вязким – это парень почувствовал практически сразу. На последних ступенях женщина вся насторожилась, и жестом заставила парня остановиться. Они так и затихли, стоя на лестнице и непонятно к чему прислушиваясь, пока Ноа не услышал неприятный мужской голос, звучащий из кухни. Юноша не на шутку перепугался, когда после металлического мужского голоса из кухни прозвучал мягкий вкрадчивый голос его матери. Он резко взглянул на Энгстелиг, которая превратилась в застывшее каменное изваяние и взглядом спросил, что им делать. Но женщина оставалась непоколебима и все так же молчалива.

Из кухни долетали обрывки разговора Неи и незнакомца. Они что-то говорили о потерянных годах, но Ноа не особо хорошо мог разобрать некоторые слова, поэтому нить разговора быстро терялась.

– Фрау Энгстелиг… – умоляюще прошептал Ноа, но она словно не слышала его мольбы.

Парень чувствовал, что должно произойти что-то плохое. Он не мог бездействовать, но не знал, как может помочь. Эта проклятая беспомощность убивала его, а страх, глубоко засевший где-то внутри, парализовал, и Ноа был вынужден надеяться на Энгстелиг, которая теперь держала ладонь на резной рукояти кинжала у себя на поясе. А когда он захотел сделать хотя бы попытку выйти и помочь маме, Энгстелиг так зло на него глянула, что Ноа не решился. По ее холодному выражению лица юноша понял, что Энгстелиг ждет, но вот только чего?

Это сводило его с ума. Последней каплей, заставившей Ноа все-таки броситься на кухню к матери, несмотря на немое предупреждение Энгстелиг не делать этого, был отчаянный вскрик Неи: «Киллиан!..» Затем – прежде, чем Ноа успел добежать на ее крик – он услышал противный всхлип и треск. И еще этот ужасный ледяной голос:

– Я, Ройван, убил его!

Ноа редко показывал окружающим свои чувства. Он редко плакал, еще реже смеялся. Жизнь, в которой у него была только Нея, научила его не делиться с окружающими своими проблемами, переживая их глубоко внутри себя. Но наступают такие моменты, когда сдержаться не удается. Слезы хлынули из его глаз, когда увидел высокого незнакомого беловолосого мужчину. Парень увидел бледное лицо своей матери, покоящееся на плече у него, ее грустные глаза и испуг в них, когда она заметила Ноа. Тонкие длинные пальцы Неи впились в плечи мужчины, и женщина одними губами пробормотала сыну: «Беги».

И ужас с паникой охватили Ноа, когда маленькая струйка крови стекала по губам Неи, а на полу начала разрастаться лужа ярко-алой крови. Кровь матери заливала белую плитку и небольшой коврик у раковины, а Ноа не мог даже оторвать взгляда от ее глаз. Женщина по инерции дернулась, давясь кровью, и что-то тихо прошептала мужчине на ухо.

Но так ведь не бывает, чтобы жизнь настолько быстро покидала чье-то тело, но Ноа инстинктивно понимал, что все дело в слабом белом свечении между Неей и незнакомцем. Оттого мама так скоро и ослабла. Оттого так быстро и разжались ее тонкие пальцы, сжимающие плечи убийцы, потухли прекрасные голубые глаза. В мгновение ока потерявшая силы Нея с глухим стуком оказалась на земле, соскользнув с плеча мужчины. Ее пальцы другой руки тоже разжались, и в раскрытой ладони заблестел старый медальон, изображающий черного орла,

схватившего змею.

Ноа стоял, словно вкопанный. В этот момент для него время остановилось. Не было сил что-либо делать, не было сил о чем-либо думать. Он просто смотрел на свою такую красивую мать, которая теперь лежала на полу в луже собственной крови. Так не бывает. Нет, нет, нет! Только не с ним, не с ней, не…

Энгстелиг подлетела к нему через секунду. Но убийца успел обернуться и Ноа заметил – навсегда запомнил – его лицо. Злые глаза мужчины смотрели прямо на парня. Он на секунду замешкался, и этого времени хватило. Энгстелиг ловким движением сняла перчатку. Затем, так же быстро она выхватила свой кинжал, и полоснула себя по руке. Как только ее кровь соприкоснулась с металлом, он неожиданно принял другую форму. Теперь он выглядел как огромная алебарда, которая была вдвое больше самой Энгстелиг. Женщина рассекла ею воздух и с тяжелым стуком ударила по полу. Дом весь загудел, и из пола буквально выросла железная стена, отгородившая Ноа с Энгстелиг от мужчины. Однако Ноа успел заметить, что незнакомец упал на колени, но Энгстелиг, грубо схватив его за локоть, потащила Ноа к выходу. Они бежали по знакомым улицам, постоянно петляя и не сбавляя скорость, но для Ноа все было словно в тумане.

Внезапно парень остановился и дернул руку женщины на себя.

– Мы должны вернуться за ней, фрау Энгстелиг! – вскрикнул Ноа.

– Нет времени, дурной мальчишка, – буркнула она и, вновь схватив Ноа за руку, потащила за собой. – Твоя мать выиграла для нас необходимое время, а моя стена не сможет его долго сдерживать.

– Почему вы так говорите, словно она должна была отвлечь этого чело… – по взгляду Энгстелиг Ноа все понял без слов. – О боже… неужели вы… Да как вы могли так поступить? Как?.. – в ярости парень стал задыхаться.

– Спи долго, спи крепко, мой мальчик, – прозвучал мягкий и вкрадчивый мужской голос.

В ту же секунду Ноа почувствовал невероятную и неприятную тяжесть во всем теле. Это чувство было очень странным, словно кто-то говорит ему, что Ноа устал, заставляет чувствовать это, проникая в каждую клеточку тела. От этого

ощущения внезапно действительно очень сильно захотелось спать. Его веки будто налились свинцом, и хоть внутренне парень протестовал – ему столько еще нужно было высказать этой женщине, – сон сморил его. Ноги Ноа подкосились, и юноша упал бы, если бы в этот самый момент его не подхватил темнокожий мужчина в очках. Из-за его спины выглянула полная девушка и заинтересованно посмотрела на потерявшего сознание Ноа.

– Спасибо, Франциск, – выдохнула раздраженная Энгстелиг. – Он начал меня утомлять.

– Всегда пожалуйста, фрау Энгстелиг, – ответил мужчина бархатным голосом. – Но, полагаю, у нас нет времени на разговоры, нужно спешить.

– Ты прав, – отозвалась женщина и, взглянув на Ноа, еще тише добавила: – Ты чертовски прав.

Глава 2

Ноа проснулся от того, что карт – это на Виридитерре что-то вроде дилижанса – наехал на кочку. Парень чувствовал себя таким отдохнувшим, впервые за много дней его не мучил кошмар, поэтому он даже не сразу вспомнил о событиях, произошедших несколько дней назад.

Но осознание пришло к Ноа, как только он, сладко потягиваясь, открыл глаза и увидел перед собой ту самую одноглазую женщину. Обрывки воспоминаний сразу всплыли в сонной голове мальчика. На глаза навернулись слезы, когда он понял, что единственный человек, которого он любил, теперь мертв. И Ноа не знает ровным счетом ничего. За что убили его мать? Почему эта Энгстелиг ничего не сделала? Да и где он, черт подери? Вопросов у него теперь больше, чем обычно. Например, кто настолько жесток, чтоб убить и как можно быть таким расчетливым, чтобы просто ждать, пока один убьет другого, ну или что за медальон зажимала в руке его мать?

А эта проклятая женщина сидела прямо напротив него за столом и как ни в чем не бывало разбирала почту! Энгстелиг даже не подняла на него глаз, когда он

медленно сел и впился в нее взглядом. Женщина была спокойна, как будто ничего вовсе и не произошло. Парень вновь и вновь прокручивал в голове их первую встречу и не понимал, как он мог довериться ей, почему даже не попытался спасти свою мать. Осознание собственной трусости тяжелым грузом легло на его плечи, и он теперь не понимал, кого больше винит в смерти Неи: Энгстелиг или все же себя. Энгстелиг ее бросила, а Ноа ничего не смог сделать.

К тому же, что это эта была за чертовщина? Как в одночасье из пола выросла огромная железная стена? Это же не поддается никаким законам логики. Железные стены не вырастают откуда не возьмись, единорогов не существует, а зубы из-под подушки забирают родители, а не Зубная фея. Это знает каждый.

В голове у парня образовалась каша из вопросов и обрывков воспоминаний. Ноа только открыл было рот, чтобы наконец узнать все, что так долго его волновали и хоть чуть-чуть привести свои мысли в порядок, как она его опередила и произнесла, леденящим душу, голосом:

– Если ты будешь засыпать меня вопросами, я распорю тебе горло и через него достану твой язык. Так и закончится славный род Вайскопфов, а у нас на одну проблему станет меньше.

– Чей род? – Ноа все еще совершенно ничего не понимал. – Вы, наверное, ошиблись. Меня зовут Ноа Ксенака и я…

– Я никогда не ошибаюсь, мальчишка. Ты Вайскопф, а не чертов Ксенака. Когда-то давно твоя мать отреклась от всего, что имела. Но даже это не смогло изменить ее принадлежность к роду, – Энгстелиг презрительно посмотрела на парня, и тот почувствовал себя еще хуже, а затем добавила: – Ты начинаешь меня выводить из себя. Даже не думай, что я твоя нянька и обязана тебе что-то объяснять. У тебя есть выбор: либо ты замолкаешь, либо я точно тебе что-нибудь отсеку.

Ноа чувствовал, что она не шутит и действительно способна на такое, поэтому замолчал и стал разглядывать место, в котором находился. Складывалось странное ощущение, будто бы он находился в доме, но этот дом двигался. И это не какой-нибудь дом на колесах, а реальный, где есть несколько комнат. Почти все двери были закрыты, и Ноа оставалось только догадываться, что за ними.

Комната, в которой находился Ноа, была богато украшена шкурами каких-то животных. Юноша подумал, что при жизни они принадлежали каким-нибудь волкам, но ведь они не бывают настолько огромными. От этих шкур у него бежали мурашки по коже, и он предпочитал не смотреть на стены, где они находились. Над потолком висела огромная люстра. На ней находилось около сотни свечей разных размеров. Но даже ощущение живого огня не могло подарить обстановке, в которой находилась Энгселиг, уют. Юноша как завороженный смотрел, как весело пляшут огоньки, а потом заметил: воск не капал со свечей, и они вовсе не сгорали.

У противоположной стены стоял большой стол из красного дерева, на котором множество бумаг и всяких письменных принадлежностей валялось в полном беспорядке. За этим столом фрау Энгстелиг и просматривала почту. И хоть женщина была полностью поглощена чтением, от нее все равно веяло опасностью, презрением и еще черт знает чем. Темно-бордовое кресло, на котором сидела женщина, было по-настоящему громадным. Его спинка высилась над ее головой, и складывалось впечатление, что Энгстелиг вдвое меньше своего и так не особо большого роста. Подлокотники кресла привлекали внимание Ноа особенно, потому что они выглядели как большие рычащие волчьи головы. Позолота на них уже стерлась в некоторых местах.

С левой стороны от Ноа на стене висела большая карта. И сколько бы парень не смотрел на нее, он все равно не смог найти ничего общего с той, которую изучал в лицее. Там были какие-то странные обозначения и названия, которых Ноа никогда в жизни не слышал.

Он не стал заострять на этом внимания потому, что его больше интересовало оружие, висевшее в стороне от карты. Это были мечи разнообразной формы и размера. Все они были и разными по качеству: одни – старые и чуточку заржавевшими рукоятками и гардами, другие – блестящие, с какими-то драгоценными камнями, вставленными в ножны и рукояти. Но была все-таки одна вещь, которая их объединяла: на каждом мече, словно какая-то метка, был выгравирован один и тот же узор.

С противоположной стороны от мечей стоял огромный книжный шкаф, где размещались старые – если не древние – по виду фолианты. Все эти вещи «под старину», мечи разных возрастов, какая-то древняя карта, навевали парню ощущение нереальности всего происходящего. Он словно находился в музее, и не знал, как оттуда выйти.

Краем глаза Ноа заметил темнокожего молодого мужчину, появившегося из одной из комнат. В этот самый момент Энгстелиг, за которой Ноа все-таки следил, распечатав длинным острым ножом очередное письмо, тяжело вздохнула. Женщина устало потерла переносицу, а затем достала из ящика плотный лист бумаги и начала писать ответ. У нее просто на лице было написано, что еще чуть-чуть и она лопнет от напряжения.

– О, вижу, ты уже оклемался. Прости, я не думал, что моя сила так сильно подействует на тебя, я… не рассчитал немного свои возможности, – голос темнокожего, мягкий и вкрадчивый, плавно разносился по комнате.

Услышав извинения, фрау Энгстелиг лишь презрительно хмыкнула и, запечатав дописанный ответ в конверт, поспешила ретироваться в другую комнату. Мужчина проводил ее взглядом и вновь заговорил:

– Думаю, это означает, что все объяснить тебе должен я. Меня зовут приор Франциск де Ла-тур. Но ты можешь обращаться ко мне просто по имени.

Он по сравнению с фрау Энгстелиг выглядел дружелюбным и Ноа смог расслабиться. Парень внимательно изучал мужчину. Темнокожего можно было даже назвать по-своему красивым: жесткие волосы с мелкими завитушками, волевой подбородок, который постоянно слегка вздернут вверх, большие карие глаза с желтыми вкраплениями как будто сияли изнутри мягким желтым светом, что вместе с пушистыми ресницами, значительно смягчало взгляд Франциска. Нос слегка приплюснут, и создается впечатление, что его ноздри всегда раздуты. На руках отчетливо выделяется небольшой бицепс. Телосложение Ноа не смог разглядеть, так как на темнокожем была льняная майка без рукавов, больше похожая на мешок. Рост Франциска составлял чуть меньше двух метров. Но несмотря на это, спину он держал прямо, не сутулясь, словно не его совсем не смущало то, что он почти великан. Вместе с миниатюрной Энгстелиг они выглядели комично, потому что при всей своей строгости, рядом с Франциском женщина казалась всего лишь его подчиненной.

– Кстати, как ты себя сейчас чувствуешь? Твоя магия, как я понял, проснулась раньше. Главное перетерпеть самую сильную вспышку боли, пока тело привыкает к этой силе.

– Все хорошо, – ответил Ноа. И он действительно не соврал. Физически он чувствовал себя гораздо лучше, чем в последние дни, даже покалывание в пальцах прошло. Но парень промолчал о гнетущей пустоте, которая поселилась в его сердце вместе со смертью мамы. Не сказал и о том, что не знает как, а главное зачем, теперь жить без нее. Он утаил это, потому что не хотел вываливать всю свою боль на незнакомца.

– Итак, Ноа, ты слышал когда-нибудь о Виридитерре?

Ноа промолчал, это слово было ему не знакомо. Поэтому, верно разгадав молчание парня, Франциск продолжил:

– Ну да, глупо было полагать, что ты в курсе, если твоя мама… кхм… не успела посвятить тебя в курс дела. Виридитерра – это один из магических миров.

– Вы меня за идиота держите? Какой к черту магический мир? У меня только что какой-то псих убил мать, а вы мне сказочки рассказываете, – не сдержался Ноа. Слова Франциска казались глупыми, как будто он насмехался над парнем.

Вместо того чтобы пресечь гневную тираду Ноа, Франциск поднялся со своего места и неторопливо, размеренными шагами подошел к небольшому, круглому окну, затем жестом подозвал парня к себе. Ноа нехотя подчинился и последовал к нему. Парень посмотрел в окно и увидел поле, усаженное красно-оранжевыми растениями. Кое-где росли деревья с извивающимися тонкими стволами, и кусты, усыпанные тонкими голубыми иголками. Ноа еще нигде не видел таких растений. Да и, вспомнив, что они едут по этой местности в большом доме, решил Франциску все-таки поверить.

Тем временем мужчина зашторил окно и продолжил:

– Так вот, Виридитерра – это один из многочисленных магических миров. Она, как и Земля разбита на государства, в каждом государстве своя форма управления. На этой почве возникает много конфликтов, и цель магов помочь их преодолевать как можно безболезненнее для мирных жителей. Сейчас, мы движемся в твою малую родину – государство Вельтерн, на территории которого находится академия магических искусств Хэксенштадт. Там обучаются дети магических семей из каждого уголка Виридитерры. Хотя и не только, – Франциск выждал пару секунд для пущей драматичности и добавил: – Понимаешь, Ноа,

Виридитерра и Земля это всего лишь два мира в водовороте неисчислимых Вселенных. Никто точно и не знает, сколько их.

Ноа внимательно слушал Франциска, пока тот продолжал свой рассказ:

– В основном магические способности развиваются по четырем направлениям. Самый редкий дар у тейтов – они могут заглядывать в будущее и далекое прошлое. Ригарди для своей магии используют взгляд: кто-то может перемещаться на далекие расстояния, кто-то превращать металл в золото только лишь посмотрев на него, а кто-то передавать свои мысли другим. Есть и те, кто управляет людьми голосом, таких магов называют вуа. Ну и конечно же шевалье – этим магам нужен Артефакт – предмет, который будет направлять их силу. Вся магия на Виридитерре подчиняется Абсолюту – это самая мощная субстанция в магическом мире. Сила его настолько велика, что давным-давно Абсолют решено было разделить. Четыре части размещены в разных уголках мира, но самая большая часть находится под башнями Хэксенштадта. Ты их сам скоро увидишь, – улыбнулся Франциск. Он подошел к дивану, где недавно спал Ноа, и сел. Затем похлопал по месту рядом с собой, приглашая парня:

– Ты тоже присядь, разговор будет долгим, – он дождался, пока Ноа занял свое место и продолжил: – Я не буду вдаваться в историю создания Хэксенштадта. Об этом тебе расскажут на занятиях. Но кое-что ты должен знать до прибытия в академию. А именно о Вельтерне – родном государстве твоей семьи. Во главе стоит император Кранхайт Драхен, а помощь ему оказывают аристократические кланы. Их всего несколько: Вайскопфы, Энгстелиги, Бодены, Райхи и Вайдманы. Я не думаю, что нужно рассказывать историю каждой семьи, расскажу лишь немного о твоей.

Ноа молчал. Вот так в один миг его жизнь полностью изменилась. Он больше не странный одиночка. У него есть настоящая семья. Парень очень хотел с ними познакомиться, особенно теперь. Потому что ему просто необходимо было рассказать кому-то о смерти мамы и знать, что кто-то будет также горевать о ее утрате.

– Так вот, ты принадлежишь к династии Вайскопф, которая некогда принадлежала к одним из самых могущественных кланов в Вельтерне. Твои предки обладали светлым умом и всегда действовали на благо императору, поэтому они были ближе всех к монарху. Кранхайт Драхен им доверял и во всех делах просил совета. Однако это не нравилось остальным кланам – им казалось,

что монарх их обделяет вниманием…

Одно только в рассказе Франциска смутило Ноа:

– Э-э, простите, что снова перебиваю, но почему вы говорите о них в прошедшем времени?

Франциск посмотрел на Ноа. В его взгляде мелькнул страх. Как будто он хотел что-то утаить от Ноа. Но вскоре парень понял, что так напугало мужчину:

– Эм, понимаешь, парень, ты… как бы это сказать, – Франциск сделал глубокий вдох. – В общем, ты теперь последний живой представитель династии Вайскопф.

Внутри у Ноа как будто все оборвалось. Маленькая надежда на то, что ему не придется горевать в одиночестве, рухнула.

– Твои бабушка и дедушка – Ирма и Вильгельм Вайскопфы – умерли лет восемь назад, – Франциск мельком глянул на Ноа, как будто ожидая его реакции. – Никто точно не знает, по какой причине они погибли. Но знаешь, как это бывает. Ходят слухи, что они разгадали план по свержению императора, но не успели о нем поведать, так как были жестоко убиты. Они погибли, выполняя свой долг. До сих пор слагаются легенды об их мужестве, храбрости и верности. Вскоре после их смерти император тяжело заболел. Некоторые верят, что это происки его врагов, которые просто сменили тактику. Другие говорят, что так на нем сказалась потеря твоих родственников. В любом случае, император теперь не может полноценно управлять государством. И во многом он полагается на другие кланы – особенно на Вайдманов.

Ноа не мог понять за что судьба его так не любит. Почему из всех людей именно он потерял родственников. Почему именно ему пришлось увидеть убийство мамы. И это страшное событие навсегда врезалось в память. Сейчас Ноа чувствовал себя маленьким мальчиком, хотел забиться в угол и сидеть там долго-долго, пока все это не закончится. Но вместе с тем в голове появилась мысль, которую он тут-же и озвучил:

– Франциск, а эти люди могли быть причастны к убийству мамы? – Ноа еле сдерживал слезы. Неимоверным усилием парню удалось заставить голос не дрожать. – Кто такой это Ройван?

Темнокожий закрыл глаза и потер пальцами виски. Ему было сложно говорить с подростком о таких серьезных вещах, которые он сам понимал не больше Ноа. Но и оставить его в неведении Франциск не мог.

– Это опасный человек и тебе с ним не справиться. Ройвана ищет каждый охотник за головами, но он неуловим.

– Расскажите мне о нем больше, – взмолился Ноа. – Он все же связан с убийцами бабушки и дедушки?

– Нити всех наших судеб так тесно переплелись, что уже сложно сказать, кто именно и в чем виноват, – расплывчато начал Франциск, как будто хотел сменить тему. – Я понимаю, что прошу тебя о невозможном, но постарайся отпустить эту ситуацию, постигай магию, заводи друзей. Живи нормальной жизнью, пока можешь. Ответ появится сам собой. Но если ты не последуешь моему совету и не забудешь, ты просто не представляешь, с чем можешь столкнуться.

– Но как я могу это сделать? – начал злиться Ноа.

– Я буду помогать тебе. Ноа, ты должен усвоить все уроки магии. Потому что мертвым помочь уже нельзя. А вот твои же способности могут навредить тебе, если ты не научишься их контролировать, – сказал Франциск с раздражающим спокойствием. Ноа это взбесило. Он понимал, что Франциск говорит правильные вещи, но злился на него за то, что в глубине души хотел совсем другого.

– Но я не могу просто сидеть и делать вид, что ничего не произошло! – прокричал парень, почти задыхаясь от охватившей его ярости.

– И что ты будешь делать? – сейчас Франциск выглядел даже беспомощным. Было видно, что он совсем не готов к этому разговору.

– Я хочу отомстить, – эти слова казались логичными и единственно правильными в этой ситуации. Как только Ноа их произнес, он понял, что и правда этого хочет – смотреть в глаза Ройвана и видеть в них ужас, чувствовать его кровь на своих руках. Ноа казалось, что поиски убийцы отвлекут его от воспоминаний о последних секундах жизни мамы, а месть и вовсе облегчит страдания.

Франциск взглянул на него с печальной улыбкой, но ничего не сказал.

Глава 3

Они еще некоторое время поговорили с Франциском. Ноа наконец-то узнал от него, где находится. Мужчина объяснил, что этот дом на колесах называется карт. И снаружи он выглядит чуть больше автомобиля. Франциск пытался объяснить как все это сделано, но Ноа так ничего и не понял.

Из рассказа Франциска Ноа узнал, что технологии на Виридитерре практически не развиты, зато все это компенсировалось магией. Даже свечи в хрустальной люстре в гостиной являлись зачарованными, оттого-то они и горели так долго и не сгорали.

Парень хотел больше узнать от Франциска, но тот, добродушно улыбнувшись, сказал, что в Хэксенштадте его всему научат и все объяснят, а пока юноша должен отдохнуть и набраться сил. Ноа не знал, чем себя занять. Все, что помогало ему коротать время раньше, осталось на земле. Поэтому он представлял как мстит Ройвану. И эти мысли приносили ему облегчение. В голове постепенно начал вырисовываться план. Раз Франциск сказал, что Ройвана ищет много людей, значит не только мама Ноа пострадала от его рук. Но для начала парень решил узнать все что можно о человеке, имя которого мама выкрикнула перед смертью.

Вероятно, у этого «Киллиана» были семья, друзья, и, если Ноа их найдет, то вполне возможно, что они помогут расправиться с Ройваном.

Ноа – каким-то совершенно необъяснимым образом – чувствовал, что этот человек здесь, на Виридитерре. Поэтому парень практически неосознанно принялся изучать карту, гадая, где же он сможет его найти.

Карту Ноа нашел занятной хотя бы потому, что она очень сильно напоминала мировоззрение людей до эпохи Великих географических открытий. На ней было много пробелов, не был известен предел и протяженность территории на юго-западе, а на Севере большое пространство заполнял какой-то Черный лес,

примыкающий к горной цепи, называющейся Драконьи хребты. На карте были помечены «земли Речного клана эльфов», «земли Горного клана эльфов», «земли Лесного клана эльфов», «Аурусмур» и прочие подобные названия, и четких границ у этих территорий тоже не было.

Когда Ноа спросил Франциска о том, правда ли там живут эти мифические существа и обитают ли на Виридитерре вампиры, оборотни и кто-нибудь еще в этом духе, маг ответил на этот вопрос содержательно, но практически непонятно. Он что-то говорил про популяции, про покинутые или неизвестные земли, но вся его тирада упиралась в то, что большинство опасных тварей обитало в Черном лесу.

– Обычно все, кто прибывает на Виридитерру впервые, спрашивает есть ли здесь единороги, а не оборотни, – пошутил Франциск, и Ноа слегка улыбнулся.

А когда Ноа хотел расспросить об остальном мире: о лесах проводников и кто такие эти проводники, об обычаях народов, о многом-многом-многом, Франциск категорически отказался отвечать, сказав, что все это он сможет узнать в Хэскенштадте. Но чтобы Ноа не слишком расстраивался из-за отказа мага, мужчина предложил перекусить чем-нибудь. Ноа сдержанно улыбнулся и вежливо отказался – почему-то кусок в горло не лез, – но Франциск все равно не принял отказа и спустя некоторое время принес пирог из каких-то амариллов – как понял Ноа это фрукт – и напиток, очень напоминающий ягодный чай. Все эта еда и питье были для Ноа в новинку, поэтому он ел осторожно. Но как только первая порция еды попала в желудок парня, он осознал, насколько был голодным все это время.

После недолгой трапезы Франциск предложил осмотреть Ноа карт, но исследовать его у парня не было никакого желания, потому что возрастал риск встретиться лицом к лицу с Энгстелиг, которая то покидала эту комнату, то снова возвращалась. А ее он видеть совершенно не хотел.

Какое время спустя Франциск снова выглянул в окно, а затем произнес:

– Ну, скоро мы будем в Райзендере, а там уж и до Вельтерна недалеко, поэтому мне нужно подготовиться. Думаю, фрау Энгстелиг совсем не обрадуется, если я предстану в Хэксенштадте в таком виде.

Ноа осмотрел свою обычную одежду и подумал, что она была нормальной на Земле, но уж точно не на Виридитерре, учитывая, в каких нарядах щеголяли Энгстелиг и Франциск. Но он не стал долго думать над этим – какая кому разница, как он выглядит? – и решил до поры до времени просто плыть по течению.

Когда Франциск ушел, в гостиную вприпрыжку вбежала девушка. Она напевала себе какую-то песню под нос. Девушка была полной и, кажется, немного стеснялась этого, потому что носила бесформенную одежду, делающую ее еще больше – черные брюки по щиколотку, зауженные к низу, и серую майку с надписью: «Верь в себя» на груди. Ее круглое лицо с зелеными глубоко посаженными глазами и немного курносым носом притягивало к себе внимание. Девушка сразу же улыбнулась Ноа, и на ее щеках появились едва заметные ямочки. Ее медная кожа контрастировала с короткими каштановыми волосами, заплетенными в два маленьких хвостика.

Она плюхнулась на диван, и тот тихонько скрипнул.

– Ты так много всего пропустил! – сказала девушка, подперев подбородок двумя кулачками. – Ты так долго и крепко спал, что я думала, что ты уже никогда не проснешься.

– Прости? – недоумевающе произнес Ноа.

– Ох, где же мои манеры? – спохватилась девушка и сразу же протянула Ноа большую ладонь. – Мое имя Осо Фернандес, и я тоже с Земли. А ты Ноа, да?

– Да, Ноа Ксенака… то есть Вайскопф… то есть, там все сложно, – проговорил Ноа, пожимая протянутую руку Осо. – Так что я пропустил?

– Да все! – воскликнула Осо. – Ты знаешь, как можно попасть на Виридитерру? Ты не поверишь! – Ноа готов был поклясться, что в этот момент у девушки заговорщицки загорелись глаза. – Это все деревья! Точнее существа – их здесь называют проводниками – которые живут в деревьях. А еще проводники таки-и-и-е чудные, – протянула Осо. – Они соединяют миры, поэтому каждый, кто хоть раз в жизни попал под их влияние, начинает понимать все языки миров. Правда, не каждое дерево имеет своего проводника. Мы очень долго искали его на Земле, да-да.

Осо мечтательно закатила глаза и на секунду умолкла, словно давая время Ноа обдумать услышанное, а потом снова затараторила:

– Но в какое место мы попали! Ноа, ты не поверишь! Леса проводников – Франциск сказал, что это место так называется – восхитительны. И листва у них действительно голубая! А озера? Какие там озера… Вода кристально-чистая, прозрачная, восхитительная… Ах, чудо…

Осо хотела сказать что-то еще, но в этот момент появился Франциск, одетый так, словно собирался на аудиенцию к королю. Он предстал перед ними в кюлотах белого цвета и темно-синем бархатном камзоле. Белыми нитями по ткани расползались узоры листьев на груди, полах и низу спины. Единственной вещью, не изменившейся в его образе, оставались все те же очки в темной оправе.

Осо снова не сдержала восхищенного вздоха при виде молодого мужчины и восторженно произнесла:

– Франциск, вы чудесно выглядите!

Мужчина зарделся и сдержанно – но как всегда с улыбкой – поблагодарил Осо. Вскоре из другой комнаты вышла фрау Энгстелиг. Увидев Франциска, она едва заметно скривилась:

– Приор де ла Тур, – холодно произнесла Энгстелиг, привлекая внимание Франциска, – ваш воротник. В Блазоне Вами были бы очень недовольны.

Руки Франциска сразу же потянулись к воротнику, чтобы поправить его – он действительно немного был вывернут. Мужчина выглядел растерянным и Ноа стало его жаль. Никому не нравится, когда тебе делают замечание – еще и по такому пустяку! – перед другими. А Энгстелиг в этот момент подошла к столу и достала из ящика слиток. Скорее всего, серебряный. Положив его на стол, фрау Энгстелиг сняла перчатки и – о, боги, какими ужасными были ее бледные и исполосованные тоненькими паутинками-шрамами руки! – бережно взяла слиток двумя ладонями. Небольшая вспышка света наполнила ее руки и сразу же погасла, а когда женщина раскрыла ладони, вместо слитка там был медальон в форме головы быка на цепочке.

Энгстелиг поспешно натянула перчатки и поднялась со своего места. Она одела на шею присевшего Франциска медальон, а затем все так же холодно проговорила:

– Вы впервые предстанете перед Конклавом, приор де ла Тур, поэтому эти люди должны с первого взгляда понять, кто вы. Заставьте Вашего отца Вами гордиться и не заставляйте меня жалеть о своем решении.

Она вышла из гостиной, а Франциск проводил ее долгим взглядом, сжав в руке металлическую голову быка.

А Осо, совсем не ощутившая, что сейчас достаточно неловкий момент, сразу же после ухода Энгстелиг обратилась к Франциску:

– А что символизирует этот бык?

– Блазон – это моя родная страна, – проговорил Франциск. – Она находится далеко на востоке, на отдельном острове. В Блазоне очень сильно чтут традиции, и каждый род – даже самый маленький – щепетильно относится к геральдике, помещая свои герба практически на все свои вещи, чтобы быть узнанными. Гербовое животное де ла Туров – бык, отождествляющийся с силой и мощью.

– А почему Ваш отец… – договорить Осо не смогла потому, что в этот самый момент ее пнул Ноа, пытаясь дать понять, что ей совсем не стоит лезть в чужую душу.

К счастью, девушка поняла намек Ноа и, надув от недовольства губы, все-таки не стала повторно высказывать свое предположение, а Франциск сделал вид, что не слышал и первого.

***

Город Райзендер отличался от тех, что Ноа приходилось видеть раньше. К Великому тракту – самой большой по словам Франциска дороге Виридитерры – приводили десятки мелких дорог, по которым тысячи путешественников попадали сюда. Сам город был окружен широкой и высокой белокаменной

крепостной стеной с маленькими окошками-бойницами. За стенами стояли солдаты в блестящих доспехах. Дополнительной защитой служил глубокий ров, наполненный грязной зеленой водой, и путь на другую сторону лежал через старый деревянный мост. Вход в город пролегал через огромные железные ворота, которые сейчас были открыты. На посту около них стояло шесть солдат, внимательно осматривавших проезжавшие мимо карты. Но фрау Энгстелиг пропустили в город без проверки. Удивленная Осо, как и Ноа наблюдавшая за происходящим из окна, спросила Франциска об этом, на что тот ответил, что все дело в гербе рода Энгстелиг, изображенном на карте. Осо едва слышно присвистнула, представив, насколько важной персоной являлась Энгстелиг.

– Как только мы пересечем Райзендер,до Хэксенштадта будет рукой подать, – и раздосадовано добавил: – Эх, было бы время, я бы непременно показал вам Штольц – столицу Вельтерна.

После этих слов он отвернулся от окна и упрямо уставился на карту на стене, периодически вслушиваясь в удивленные вздохи и возгласы Осо по поводу архитектуры города. Ее очень содержательные замечания и не менее содержательные ответы Франциска (вот тут Ноа почувствовал укор зависти, потому что ему Франциск отвечал, что юноша узнает все в Хэксенштадте) помогли Ноа, даже не выглядывая в окно, сложить в голове картинку города.

Парню показалось, что Осо нравится вся эта ситуация с Виридитеррой. Хотя – что греха таить – если бы Ноа попал сюда при других обстоятельствах, он бы тоже, как дурак, радовался каждой мелочи, находя все это удивительным. Осо всего лишь беззаботная девушка, у которой на Земле – Ноа был в этом уверен – осталась любящая семья.

Сам Ноа не представлял даже, что теперь станет с его жизнью. Он последовал за Энгстелиг только потому, что у него на Земле, не осталось ничего. Скорее всего, там им бы занялась полиция и социальная служба, тогда бы его долго бы таскали по допросам, пока – за неимением никаких улик на неизвестного беловолосого мужчину – не окрестили бы дело нераскрываемым. Затем парня отдали бы на попечение в какую-нибудь семейку-добродетелей или школу-интернат.

Франциск сказал, что на Виридитерре корни Ноа, его предки, семья. Так почему не попытаться стать кем-то здесь, в мире, где жили его мать и бабушка с дедушкой? Возможно, Ноа даже сможет узнать, кто был его отцом и, быть

может, постарается его найти. Так или иначе на Земле у Ноа не оставалось ничего, а на Виридитерре он видел новую попытку жить и непреодолимое желание найти Ройвана и отомстить.

Из слов Франциска Ноа понял, что Райзендер называли Белым городом не случайно. Дело было не только в том, что окружен он стеной белого камня, и не в том, что буквально каждый кирпичик в городе имел белый цвет. За всю свою историю Райзендер ни разу не подвергся завоеванию, ни разу его улицы не обагрились кровью. А еще – всего каких-то двести лет назад – этот город был единственным в Вельтерне, который сохранял статус вольного. Он не подчинялся ни короне, ни одному из аристократических родов, имевших влияние даже за пределами Вельтерна. А как полноправная – и платящая полную подать короне – часть Райзендер вошел только при Виланде II, когда нападки нежити из Черного леса стали ощущаться жителями тяжелее, ввиду того, что сила магов Вельтерна была необходима для ведения войны с другими государствами. Войт Райзендера пришел на поклон в Штольц – древнюю столицу Вельтерна – и просил, чтобы король смилостивился над городом и послал на помощь его жителям хотя бы дюжину магов. Дальновидный Виланд II радушно готов был помочь Райзендеру, но лишь при некоторых условиях. У Райзендера, уставшего прятаться за крепостными стенами от обитателей Черного леса, не оставалось выбора.

Эту историю – точнее, легенду, ведь это было около двухсот лет назад – знает каждый райзендерец. Многие все еще горюют, вспоминая ее, мечтая о древнем вольном городе Райзендере и перебирая различные варианты «а если бы…» в своих головах.

Больше всего восхищенных вздохов у Осо вызвала статуя Виланда II, стоящая в центре города, и Ноа даже захотел взглянуть на нее, когда их карт проезжал мимо. Статуя короля была просто огромного, колоссального размера и изображала молодого мужчину, держащего в руках карту и книгу. Как объяснил Франциск, Виланд II умер достаточно молодым, но за свою короткую жизнь прославился не как завоеватель, а как собиратель земель, потому что все территории он присоединял дипломатическим – пусть и не всегда честным – путем.

На улицах Райзендера звучали песни и лилась музыка незнакомых Ноа инструментов – город был погружен в праздник Весеннего освобождения, как сказал Франциск. Праздник этот был связан с другой легендарной личностью –

сестрой Милитан, которая во время очередной войны с соседним государством Црейфлодером, поднялась на защиту Райзендера, к тому времени осажденного уже несколько недель. Говорят, что на ее зов откликнулись древние боги из Черного леса – огромные белые волки – и пришли на помощь. По легенде, сестра Милитан была послушницей староверского храма давно забытой богини и по существовавшему тогда порядку, она должна была носить на голове венок и длинное белое платье. Такой она и запомнилась в летописях. А сейчас не было ни одного человека – это Ноа понял по возгласам Осо, – у которого на голове не было бы венка. Из-за большого столпотворения на главных улицах и площади Райзендера они задерживались, и от этого Энгстелиг раздражалась еще сильнее.

К окну Ноа вернулся только тогда, когда они – с горем пополам – оставили Райзендер за собой и стали подниматься в гору. Широкая песчаная дорога заворачивала в густой лес, окружавший холм с двух сторон. Он расступался перед их картом, образуя небольшой тоннель из верхушек деревьев.

– Ну вот, – проговорил Франциск, когда лес стал более редким, – мы почти на месте.

К сумеркам лес отступил, и вместо него взору Ноа и Осо открылся огромный пустой холм. Ноа удивленное посмотрел на Франциска, расценивая это как глупую шутку, но маг заговорщицки улыбнулся и посоветовал Ноа и Осо смотреть во все глаза. И стоило Франциску сказать им об этом, как Ноа почувствовал, будто сквозь него прошла какая-то невидимая волна, заставившая все его нутро похолодеть. Юноша обхватил себя за плечи и обеспокоенно посмотрел на остальных, убедившись, что это произошло не только с ним. Но вместе испуга в глазах Осо он нашел восторг и услышал еще один ее восхищенный возглас:

– Смотри, Ноа! Это Хэксенштадт!

И Ноа увидел огромные крепостные стены, выложенные из разных размеров черного, бурого и серого камней. Крепость имела форму треугольника и из каждого ее угла высилась башня. В центре находилась самая большая из них. Издалека можно было подумать, что своим шпилем она протыкает небо.

Внезапно за одной из башен в воздухе показалось что-то большое огромное, но оно сразу же скрылось из виду. Ноа списал это на богатое воображение и сгущающиеся сумерки, потому что это огромное нечто было с большущими крыльями, косматой головой, клювом и длинным хвостом. В конце концов, не мог же это и вправду быть грифон?

На крепостных стенах сидели небольшие каменные горгульи, которые, казалось, следили за двигающимся по дороге картом своими маленькими глазками. Здесь не было людей – по крайней мере, на первый взгляд… Карт фрау Энгстелиг некоторое время стояли у ворот, и было слышно – или просто казалось, – что горгульи переговариваются между собой скрипучими, как старые плохо смазанные двери, голосами.

«Женщина-маг», «мужчина-маг», «девочка и мальчик с неразвитыми дарами», – тихий едва разборчивый шепот звучал в темноте достаточно отчетливо. А затем все эти скрипучие голоски слились в один и стали нашептывать: «Могут войти, могут войти, могут войти…»

И они продолжали звучать до тех пор, пока каменные ворота не сдвинулись с места, пропуская карт. Внутри их у самых ворот ждал низкорослый пожилой человек с небольшим животиком и забавными усами. На поясе у него висела большая связка ключей, а в руке он держал фонарь – что больше всего удивил Ноа, ведь на улице еще было не совсем темно.

– Добр-р-ро пожаловать в Хэксенштадт, – произнес пожилой мужчина и поклонился. – Фр-р-рау Энгстелиг, мы уже заждались Вас, как и господина де ла Тур-р-ра. Ваши комнаты готовы, но вас все еще ожидают в главной башне. – Он понизил голос и добавил: – Они настойчиво рекомендовали поторопиться.

– Прекрасно, – проговорила Энгстелиг.

– А молодых господина и госпожу пр-р-рошу следовать за мной, – сказал пожилой мужчина.

Ноа с Осо посмотрели на Франциска, который им улыбнулся и сделал жест рукой, веля им следовать за пожилым мужчиной. Они шли в тишине, которую нарушало лишь хлюпанье сапог провожающего. Мужчина провел ребят мимо нескольких больших строений и главной башни. Затем они зашли в

прямоугольное здание и поднялись на несколько этажей вверх. Как оказалось, провожатый разводил ребят по комнатам. Первая на очереди была спальня Ноа. Напоследок мужчина произнес: «Отдыхайте, молодой господин», а Осо пискнула: «Спокойной ночи». В комнате царила полнейшая темнота, но в узкая полоска света с коридора осветила свободную кровать, на которую Ноа и плюхнулся без сил, как только дверь за ним закрылась.

Глава 4

Усталость навалилась на Ноа, словно камень, скатившийся с горы. Так что, когда смешной мужчина привел его в комнату, парень даже не удосужился осмотреть комнату на предмет наличия в ней еще кого-либо и сразу же уснул. Но утром, как только Ноа открыл глаза, его ждал сюрприз. А именно – парень на соседней кровати, который во все глаза таращился на своего новоявленного соседа.

Его волосы были взъерошены, с лица еще не сошла опухлость, поэтому Ноа решил, что этот парень тоже только, что проснулся. Ноа оставалось лишь гадать о мыслях своего соседа, который еще вчера преспокойно отправился спать в одиночестве. Поэтому Ноа решил, что ему нужно хотя бы поздороваться:

– Ээм, привет, – нерешительно начал парень. – Я Ноа.

Его фраза повисла в воздухе, так как сосед молчал и, все также недоумевая, сверлил парня взглядом. Не выдержав его молчания, Ноа предпринял еще одну попытку – он помахал рукой перед лицом парня и проговорил:

– Эй, ты меня слышишь вообще?

И это помогло:

– Да, привет. Я Кайл, и мы с тобой, видимо, теперь соседи, – парень был примерно того же возраста, что и Ноа, но его голос – слишком высокий для шестнадцатилетнего подростка – звучал очень странно.

Вот только побеседовать у парней не получилось. Кайл практически сразу потерял интерес к своему новому соседу, снова плюхнулся на подушку и отвернулся к стене. Ноа даже почувствовал облегчение – не то что бы общение с Осо его утомило, но парень всегда был не из болтливых, и он терпеть не мог рассказывать что-то о себе.

Ему было о чем подумать. Точнее о ком. Его мама, милая Нея, которой больше нет, не покидала мысли парня. Каждое воспоминание о ней отзывалось жгучей болью в груди, хотелось кричать и плакать – сделать хоть что-то, чтобы не чувствовать себя таким беспомощным. Поэтому парень подорвался с кровати и, даже не взглянув в зеркало, чтобы привести себя в порядок, вылетел из спальни.

Покинув комнату, парень, наконец, смог дать волю чувствам. Он прислонился лбом к противоположной стене, и впервые за все это время заплакал. Он чувствовал, как несколько горячих слезинок сползают вниз по его щекам и, помимо боли от утраты, испытывал презрение к себе. Ноа раз за разом прокручивал в воспоминаниях день смерти Неи, винил себя за то, что тогда позволил страху сковать его тело. И теперь, стоя у стены и проливая горькие слезы, парень поклялся себе, что больше никакой ужас не сможет его парализовать.

Черт знает сколько времени провел Ноа у этой стены, пока не услышал знакомый звонкий голос, эхом разносившийся по каменному коридору:

– Что ты делаешь?

Обернувшись, парень увидел Осо. Ее зеленые глаза были распахнуты то ли от удивления, то ли от испуга. Девушка стояла, уперев руки в бока и, слегка приподняв подбородок, смотрела на парня.

– Не твое дело, иди куда шла, – в другое время Ноа бы часами вспоминал потом такую грубость, но не сейчас. Сейчас для парня вообще не существовало ничего важного, ничего стоящего, о чем он мог бы думать часам, кроме смерти его матери.

– Нет, – девушка слегка топнула ногой, как бы подтверждая серьезность своих намерений, – Я хочу знать, что с тобой происходит.

Такая наглость еще больше взбесила Ноа. Ему просто нужно было злиться и плевать на кого – себя или Осо.

– Много будешь знать – скоро состаришься, – парень злобно уставился на Осо.

Видимо, у него получилось немного напугать девушку, в следующую секунду она отошла назад, но все-таки осталась рядом с Ноа:

– Говори, или я позову кого-нибудь.

– Ой, да зови кого хочешь, это сейчас меньшая из моих проблем, – ярость, бушевавшая в душе парня, стала утихать. Ноа почувствовал дикую усталость, как будто не спал всю ночь, ощущал, как слабеют его ноги, поэтому уткнулся спиной в стену и медленно начал сползать на пол.

Он выглядел беспомощным, совсем как щенок, которого оставили у дороги. Осо, оглядев парня с ног до головы и решив, что он больше не представляет для нее опасности, села рядом.

Ребята сидели молча почти минуту – Ноа не знал, что сказать, а Осо не знала, что спросить.

– Знаешь, извини меня, – проговорил парень, не отрывая взгляда от своих кроссовок, – я не должен был грубить.

Ноа тяжело дались эти слова, но он понимал, что сейчас поступает правильно, хоть и не уверен был, что говорит искренне. Ведь сейчас он ни в чем не был уверен, чувства его притупились настолько, что он даже не чувствовал себя живым, как будто его душа покинула тело еще тогда, когда Ройван убивал его мать. Это было совсем недавно, а Ноа казалось, что он провел целую вечность без матери.

– Да ничего, я… – девушка запнулась, она знала, что парень потерял мать, но не уверена была, что нужно об этом с ним говорить.

– Что? – этот вопрос прозвучал слишком резко, но Ноа было плевать. Он услышал, как девушка шумно выдохнула, собираясь что-то сказать.

– Я слышала о том, что твоя мама умерла, – Осо, никогда не обладавшая чувством такта, сейчас, как могла, старалась подобрать слова. Но разве в такой ситуации это вообще возможно?

Эти слова полоснули Ноа прямо по сердцу, и чтобы вновь не заплакать, парень слегка закусил губу и сжал руки в кулаки.

– Слушай, я и представить не могу, как тебе сейчас тяжело, – продолжила девушка, после небольшой паузы.

– Тут ты права, – согласился парень.

– Я просто хочу сказать, – Осо могла поклясться, что именно сейчас, так старательно подбирая слова, она начала понимать саперов на задании, ведь у нее тоже сейчас не было права на ошибку, – что ты просто… должен взять себя в руки.

– Проблема в том, что я не могу. Мою мать убили, а человек, который это сделал, гуляет сейчас по улицам и, возможно, уже и не помнит ее имени.

– Возможно, я сейчас скажу очень глупую вещь, но отпусти эти мысли, – Осо настороженно взглянула на парня, ожидая его очередного взрыва. Она уже мысленно успела себя отругать за то, что говорит такие банальные вещи. Но, как это часто бывает, когда приходит время сказать что-то важное, все мысли вылетают из головы. – Я слышала, что твоя мать пожертвовала собой, ради твоей безопасности, а это значит, что теперь ты должен наслаждаться своей жизнью за двоих.

– Я буду наслаждаться, когда найду этого ублюдка, когда отомщу за маму, – Ноа и не заметил, что повысил голос, сейчас им владело одно лишь желание. – Я хочу загнать его как бешеного пса, хочу, чтобы он почувствовал страх, который чувствовала она. Я хочу отомстить!

Осо не знала, что ответить парню, но, к счастью, ей бы и не пришлось этого делать, ведь вскоре они услышали приглушенные шаги, доносившиеся с лестничной клетки. Через несколько секунд в дверном проеме появился мужчина, который вчера проводил их к спальням. Он явно был счастлив, ведь насвистывал незнакомую ребятам весёлую песню. Увидев их, мужчина

остановился.

– О, вы здесь, пр-р-рекррасно, – густые усы зашевелились, а губы, сокрытые под ними, расплылись в широкой улыбке. – Я как р-р-раз за вами шел.

Ребята почувствовали себя ужасно глупо, сидя на полу перед этим человеком.

– Ну же, вставайте, я отведу вас в столовую.

Ребята неуклюже поднялись с насиженных мест и хотели последовать за мужчиной, как Ноа понял, что хоть и видит его уже второй раз, но до сих пор не знает имени этого мужчины.

– Простите… а можно узнать, как вас зовут? – как только вопрос сорвался с губ парня, мужчина замер как вкопанный, взгляд его выражал помесь чувств, которую Ноа понять не смог:

– Я, кгхм, Леон. Пойдем, р-р-ребята, сегодняшний день для вас особенный.

***

Чтобы попасть в столовую, нужно было спуститься на два этажа вниз, выйти на коридор по левой стороне, пройти прямо, до третьей двери с правой стороны, войти в нее и следовать, в сторону золотой арки, которая служит входом в обеденный зал. Ноа мог поклясться, что если останется один, то точно не найдет сюда дорогу.

Войдя в обеденный зал, ребята застыли в недоумении. Помещение выглядело вполне обычно – по меркам Средневековья – высокие потолки, несгораемые факелы на стенах, деревянные засаленные столы. В общем, все в духе обычного Средневековья. Но увидев слуг, Осо восхищенно пискнула и уставилась на них с раскрытым ртом.

Она, впечатленная таким зрелищем, никак не могла сформулировать предложение, но это ее не остановило, девушка просто восхищенно выкрикивала обрывки фраз, мелькавших в ее голове:

– Это же… Вау!.. Быть такого не может… Наверное. Я запуталась.

Леон слегка улыбнулся и мягко проговорил:

– Да, Осо, это феи, – он пальцем указал на летавших под самым сводом потолка девушек, размером с ладошку. Феи почти ничем не отличались от обычных людей, если не считать их крошечного размера и полупрозрачных блестящих крыльев.

Осо недолго наблюдала за феями, потому что почти сразу ее внимание привлекли невысокие старички, которые собирали грязную посуду.

– А это..? – глаза девушки округлились от удивления.

– Лепр-р-реконы, – перебил ее Леон, – существует легенда, что они кое-то ищут в Хэксенштадте, поэтому остаются здесь р-р-работать днем, а ночь пр-р-роводят, блуждая по замку, чтобы это найти.

– А что они ищут? – взмолилась девчонка

– Может быть, позже я р-р-расскажу об этом, – мужчина улыбнулся. – А сейчас вам нужно подкр-р-репиться, чтобы с достоинством пр-р-ройти обр-р-ряд инициации, а не свалиться без сил от голода, – сказав это, Леон, даже не став слушать ответ ребят, удалился. А Осо и Ноа так и остались с кучей вопросов, на которые не знали ответов.

В столовой стоял шум и гам, и Ноа вспомнил, что в его школе это было его самое не любимое место. А от одной мысли, что ему теперь придется сидеть лицом к лицу с незнакомыми людьми, бросало в холодный пот. К тому же эти незнакомые люди могли быть, как Карион, но еще и владели магией, а это было вдвойне опаснее.

В противоположность ему Осо была в полном восторге, наблюдая за тем, как кружились вокруг феи и сновали лепреконы, собирая грязную посуду после студентов Хэксенштада.

– Это удивительно захватывающее зрелище, правда, Ноа? – восклицала Осо.

Ноа ничего не отвечал и старался находиться как можно дальше от девушки. Вдруг она еще возомнит себе, что они друзья. Нет, спасибо, Ноа в этом не нуждается. То, что ему на самом деле нужно, никто не способен дать.

Ноа проследил взглядом за стайкой студентов, появившихся в столовой и скрывшихся за стенкой из темного стекла и сразу же появившихся на другом конце с подносами.

Парень двинулся к пункту раздачи и, только ощутив приятный аромат специй, понял, насколько был голоден. Несмотря на его усилия, Осо хвостиком следовала за ним и на ходу восхищалась. Больше всего ее восхищенных вздохов вызвали лепреконы, которые стояли на маленьких табуретах и накладывали студентам приглянувшиеся яства. Ноа и сам был вынужден отметить, что зрелище было презабавное: маленькие человечки с сеточкой на рыжих кучерявых волосах и маленьких белых фартучках. Они выглядели мило, если не обращать внимания на их черные глаза-бусинки, которые внимательно наблюдали за тем, как студенты брали столовые приборы.

То, что они уносили на тарелках, аппетитно не выглядело и было похоже на что-то среднее между жидкой кашей и желе. Она была трех цветов: болотная, темно-синяя и мутно-красная. Ноа совсем не знал, чем они различаются и высокий светловолосый парень, стоящий перед ним, заметил замешательство новичка.

– Красный для тех, кто любит острое, зеленый для нормальных людей, а синее для сладкоежек, – объяснил парень Ноа.

– Спасибо! – поблагодарила его вместо Ноа Осо.

Ноа с неким сомнением поставил на поднос протянутую лепреконом тарелку с зеленой жижей и маленькое блюдце с голубой и тихо проговорил: «Спасибо», получив от лепрекона точно такой же растерянный взгляд, как и от Леона, словно слова благодарности совсем не то, что ему приходится слышать постоянно. Взяв еще небольшой серебряный кубок с чем-то напоминающим по внешнему виду то, чем угощал его Франциск на пути в Хэксенштад.

Перед самым выходом в зал около Ноа оказалась маленькая фея в голубом платьице и проговорила:

– Приятно аппетита, молодой человек. Не забудьте, что столовые приборы должны оставаться в столовой.

Ноа кивнул, заметив, как хищно заблестели глаза феи, когда она произносила последнюю фразу, и еще раз окинул взглядом зал в поисках свободного места. В столовой не было, куда яблоку упасть. Практически все места были заняты. Но в самом углу Ноа заметил пустой столик и попытался пробраться к нему до того, как его настигнет Осо.

Он с грохотом поставил поднос на стол, отчего обратил на себя осуждающие взгляды порхающих рядом фей, которые вытирали столы после студентов и сетовали на то, что они едят как маленькие хрюшки, и уселся. Ноа досталось удачное место – отсюда хорошо просматривался каждый уголок столовой. На противоположной пункту выдачи стене была нарисована огромная картина, изображающая всяких магических тварей в реальном размере. Полностью были изображены всего несколько животных, а другие – наиболее крупные – насколько позволяли это сделать размеры стены. Огромную стеклянную люстру чистила маленькая феечка с крошечной тряпочкой в ручках.

– Эй, осел, ты сел на мое место, – прозвучал рядом недовольный высокий голос.

Ноа, ковырявшийся вилкой в мутной жиже, обернулся и встретился глазами с высокой рыжей девушкой. Она забавно морщила длинный носик с россыпью ярких веснушек на нем, щеках и лбу. Рядом с ней стоял крупный парень, он внимательно и с долей презрения изучал своими зелеными глазами Ноа. Его стриженые практически под ноль черные волосы забавно торчали, и это делало его голову еще больше похожей на квадрат. Он был настолько высоким и широкоплечим, что за ним Ноа не сразу видел двух девчонок.

– Сядь на другое, –произнес Ноа, опустив глаза в тарелку. Сердце бешено застучало. Парень понял, что сейчас начнется перепалка, но уступать не хотел. Ведь если он просто уступит место этой рыжей, то даст всем понять, что он беспомощный и над ним можно издеваться так, как это делал Карион.

Девчонка оперлась на стол, грозно нависая над Ноа. Парень бросил на нее еще один взгляд, затем посмотрел на большого парня, но тот даже не пошевелился, а рыжая снова повторила:

– Я вижу, что ты тут новенький, поэтому быстренько объясню тебе порядок вещей. Пересядь, придурок, если не хочешь, чтобы твоя жизнь в этой дыре превратилась в ад.

Верзила рядом с ней с важным видом стал разминать кисти рук, словно собирался голову Ноа оторвать, при этом его лицо было таким же каменным, как и раньше. Это выглядело угрожающе, и вся решимость парня испарилась. Ноа понял, что с такой компанией все же не стоит ссориться. Поэтому он решил уступить, и, взяв поднос, сказал:

– Ладно, не горячись, девочка.

Обращение явно не пришлось ей по душе – Ноа заметил это по тому, как девчонка насупилась, но ничего ему не возразила.

Уступив единственный пустой стол, Ноа оказался в рое незнакомых студентов. Он совершенно не знал, куда ему пристроиться, ведь для него стало уже понятно, что компании тут сложились. Даже в лицее на Земле было намного проще с этим: он просто садился на самый дальний стол и надеялся, что сегодня его никто не заметит.

– Эй, Ноа, иди сюда!

Парень обернулся в поисках того, кто его позвал. Этот голос не принадлежал ни Осо, ни Кайлу – единственных знакомых здесь студентов. Ноа окинул взглядом обеденный зал и заметил за одним из столиков парня, который махал ему рукой. Его чёрные, как вороново крыло, волосы были длиной до плеч, как и у девушки, сидящей возле него. То, что это девушка, Ноа понял только по форменной юбке. Рядом с ней – спиной к Ноа – сидел светловолосый юноша – тот, который объяснил Ноа разницу между жижей, – а возле него девушка в очках с темно-русыми волосами. Завершал странную компанию паренек с косой темных густых волос и угольно-черными раскосыми глазами.

И самое главное за одним столом с ними сидела Осо.

Ноа опустился на стул рядом с пареньком черной косой и с некоторой неловкостью осмотрел ребят ещё раз.

– Аликвид всегда пугает в первый раз, – улыбнулся черноволосый парень, который позвал его. – Я, кстати, Рикки Ризада. А это моя сестра Никки.

Рикки и Никки были не просто похожи, они были близнецами. Но кроме одинаковых черт лица у них был одинаковый имидж, делающий их почти неразличимыми. Челка, падающая на лоб, немного закрывала карие глаза. У уголков пухлых губ появлялись маленькие ямочки, когда Рикки улыбался.

– Я Ноа… – и Ноа даже запнулся, не зная, какой фамилией представляться. – А что такое аликвид?

– Субстанция, которая на твоей тарелке, – вяло протянул нескладный парень рядом с девушкой в очках. – Она примет тот вкус, который ты представишь. Лепреконы создали его специально для Хэксенштадта, чтобы они не сильно заморачивались с готовкой, а студенты получали хорошее питание.

– Это Махаон Наби, – представил светловолосого юношу Рикки, затем кивнул в сторону парня с темной косой – А молчун Вей Шенг. Но мы зовем его просто Шенгом.

– Рад знакомству, – произнес Ноа без особого энтузиазма. – А из чего он на самом деле состоит?

– Никто не знает, – загадочно вставил Рикки. – А лепреконы Хэксенштадта говорить не хотят. Поверь, мы пытались узнать.

– Они сразу становятся такими злющими, когда пытаешься у них что-то выпытать, – задумчиво протянула Никки.

– Это все из-за твоего неприятного лица. Им становится дурно, когда они тебя видят, – со смехом сказал Рикки.

– Дурак, у нас с тобой одинаковое лицо, – закатила глаза Никки.

Ноа недоверчиво покосился на зеленую кашицу на своей тарелке и, глубоко вдохнув, представил вкус стейка, которым Нея его нечасто баловала. Что и делало его такой желанной пищей для парня. Быстрым и резким движением он отправил ложку в рот и не почувствовал во рту ничего жидкого. Ноа мог бы поклясться, что жевал настоящий стейк! Губы его тронула незаметная улыбка, глаза загорелись – чудеса! – и это не укрылось от сидящих с ним за столом ребят.

Махаон даже не поднял серых глаз на Ноа, пока тот продолжал изучать компанию. Взгляд Рикки и его ухмылка говорила: «Да-да-да, ты почувствовал это, братец», а Никки просто слабо улыбнулась Ноа. Осо в это время за обе щеки уплетала аликвид – и одной ей было известно, что она себе напредставляла, – а девушка в очках смотрела на Ноа пристальнее всех.

– Я Вайолет Роуз, – тихо прощебетала девушка. – Я, как и вы с Осо, новичок.

– Тоже еще крещение огнем не прошла, – сказал Рикки и это прозвучало как шутка.

Ноа из вежливости выдавил из себя смешок, а Осо спросила:

– Что это значит?

– Ваш тип магии еще не определен, вы не получили свои артефакты, – сказал Махаон с видом умника, который объясняет вполне понятные вещи. – Не были в Абсолюте, не проходили испытание духа.

– А что происходит на этом испытании?

– Абсолют решает, достаточно ли силен твой дар, – объясняет Махаон. – И если нет, то…

– Он поглотит твой дар и не быть тебе волшебником, – завершает Рики шуточно-устрашающим голосом. – Он же тоже не может брать из ниоткуда вечную энергию.

– Как-то все плохо, – грустно прошептала Осо.

– Зато остаются лучшие, – подала голос Никки.

– Чья бы корова мычала, Никки, – засмеялся Рикки. – Что ты тогда здесь забыла?

– Заткнись, остолоп, – огрызнулась Никки.

Ноа хотел что-то еще спросить, но тут в столовой появился Франциск в паре с хрупкой девушкой, на вид ей можно было дать лет двадцать пять. Её длинные светлые волосы струились по спине, и рядом с высоким Франциском она выглядела еще меньше, чем было на самом деле. Они кого-то высматривали, а потом поочередно подошли к нескольким столикам и подняли некоторых ребят.

– Кажется, это за вами, ребята, – присвистнул Махаон. – В этот раз они долго не ждали.

– Ах, фрау Гензель, – нараспев произнес Рикки, – свет моих очей. Если вы пройдете испытание духа, то она будет преподавать у вас вместе с приором Шварцманном магические боевые искусства на суше.

– Удачи, – мрачно пробормотала Никки новичкам.

– Она нам понадобится, – неуверенно пробормотала Осо, явно не обрадованная тем, что может с легкостью потерять возможность остаться в Хэксенштаде, приезда в который она так ждала всю дорогу.

– А кто это с фрау Гензель? – с интересом произносит Никки.

– Что, сестрица, запала?

– Заткнись, придурок, – рыкнула Никки. – Новый человек в Хэксенштаде не к добру. Они появляются только тогда, когда решают сменить преподавательский состав.

– Это Франциск. Он с Энгстелиг приехал, – объяснила Осо.

– Энгстелиг? Фрау Энгстелиг? – переспросил Шенг, до того молчавший и явно оживившийся, когда упомянули ее имя.

– Ну да, – неуверенно пробормотала Осо. – А что-то не так?

– Фрау Энгстелиг последний королевский палач Вельтерна. Обычно она находит и казнит тех, на кого укажет перст императора, но после того, как дослужилась до титула фрау стала больше заниматься делами Хэксенштадта, – произнес Махаон.

Махаон хотел сказать что-то еще, но почти сразу же к столику подошли фрау Гензель и Франциск, и он тактично замолчал, одним взглядом давая понять, что при хорошем раскладе расскажет Осо и Ноа об этом позже.

Франциск улыбался так же широко, как и всегда, но легче после рассказанного о том, что испытание Абсолюта можно не пройти, не становилось. Ноа просто нельзя терять ту магию, что он имеет. Ему жизненно необходимо научиться контролировать эту силу и найти этого Ройвана, чтобы отомстить за мать.

– Рад, что новички пытаются держаться вместе, – произнес Франциск. – Так есть хотя бы минимальные шансы, что никто из вас не потеряется в этих бесконечных лестницах и переходах. Когда я здесь учился, одного паренька так и не нашли.

Это было, скорее, шуткой, но Ноа действительно испугала мысль о том, что здесь можно потеряться и не найтись. Зачем вообще нужно было проектировать настолько сложное здание? Фрау Гензель и Франциск вывели Ноа, Осо и Вайолет вместе с другими ребятами на коридор, где их уже ждала Энгстелиг и какой-то низкий и полный мужчина. У него было удивительно круглое лицо с редкой коротенькой серебряной бородой, которую он перебирал своими толстыми пальцами с несколькими огромными перстнями. У него была презабавная темно-фиолетовая мантия с оборочками, небрежно лежащая на плечах и немного скошенная в сторону. Они о чем-то тихо переговаривались, но почти сразу же смолкли, стоило ребятам появиться перед ними.

– Директор одобрил мой запрос, – произнесла Энгстелиг громко. – Сегодня вы встретитесь с Абсолютом и, возможно, станете полноправными студентами Хэксенштада. Кто-то из вас, вероятно, уже слышал от других студентов, что испытание Абсолюта смогут пройти не все. Не думайте об этом раньше времени. Просто старайтесь выложиться на полную.

– Для прохождения вам ничего не требуется, кроме моральной готовности к этому, – сказал мужчина.

– Благодарю, приор Бомер, – отчеканила Энгстелиг, словно это и не была благодарность. – Абсолют находится в самом надежном месте, под замком, поэтому нам предстоит спуститься глубоко в подземелья. Преподаватели Хэксенштада проводят вас туда.

– Я отведу ребят. Встретимся там, фрау Энгстелиг, – сказал приор Бомер, кивая женщине.

Энгстелиг проводила его взглядом, когда он уводил ребят, и незаметно для остальных выловила в толпе Ноа. Юноша окинул ее безразличным взглядом, но женщина сделала вид, что не заметила этого. Она увела его в сторону и тихо проговорила:

– Тебе во что бы то ни стало нужно вернуться оттуда магом.

– Без ваших наставлений знаю, – проворчал Ноа. – Сила мне необходима.

– Я не об этом, Ноа, – грозно сказала Энгстелиг. – Твоя сила идет от двух сильных волшебников. Абсолют испытывает не силу твоего дара, а готовность его использовать.

Она говорила это таким тоном, будто сама ее жизнь зависела от того, вернется Ноа волшебником или нет, но он не придал этому особого внимания. Ноа молчал, а Энгстелиг продолжала:

– Абсолюту не нужно показывать физическую мощь. Он действует на разум. Запомни: все, что вызывает в тебе эмоции, не настоящее. Абсолют будет играть с твоими чувствами, пытаться запутать тебя. Но он может показать тебе и правду – будущее, или прошлое, которые могут принадлежать даже не тебе, – просто нужно быть внимательным и все запоминать.

– Почему вы мне это говорите? Почему делаете все, будто кажется, что вам не все равно, но всем своим видом показывается, что это не так?

– Тебя это не должно касаться, – отрезала Энгстелиг.

– Но…

– Найди артефакт, выберись из Абсолюта и стань студентом Хэксенштада. Больше от тебя ничего не требуется. Пока что.

– Не обращайтесь со мной будто я ребенок.

– Ты и есть ребенок, – прорычала Энгстелиг. – И так уж получилось, что теперь ты моя ответственность.

Ноа обиженно поджал губы. Эта женщина не ставила его ни во что. Он ей покажет, что сможет стать великим волшебником, найти этого треклятого Ройвана и отомстить за мать.

***

В тёмном подземелье, куда Ноа увела Энгстелиг, пахло сыростью и плесенью. У парня кружилась голова от всех этих бесконечных лестниц, пролетов, переходов, коридоров, и в середине пути он оставил наивные попытки запомнить дорогу. Весь путь до дверей, ведущих к Абсолюту, освещали несгораемые факелы на стенах. Они шли долго – в суровом молчании, – и когда, наконец, добрались до тяжелой металлической двери, Ноа почувствовал, что от нее исходит какая-то странная энергия. Ноа ощущал неясную дрожь, стоя перед дверью и не знал, чего ждать там. У дверей их уже ждал приор Бомер, взволнованный, воодушевленный и обеспокоенный одновременно.

– А когда здесь будут остальные? – спросил Ноа, оборачиваясь к женщине.

– Они все уже внутри, мой мальчик, – сказал приор Бомер, не дав вставить Энгстелиг и слова, чем точно ее разозлил. Это было видно по ее лицу, скривившемся в недовольной гримасе. – Пространство вокруг Абсолюта растягивается по его желанию, и те, кто там находится, никогда не встречаются друг с другом.

– По его желанию? Абсолют живой?

– И да, и нет, – произнес приор Бомер. – Абсолют – это чистая энергия, копирующая мысли, чувства и разум волшебников, но не обладающая ими по-настоящему.

Приор Бомер явно хотел сказать что-то еще, но Энгстелиг, спешащая отправить Ноа в Абсолют и узнать результат испытания, его перебила:

– Тебе пора, Ноа.

Она не умела изящно заканчивать разговоры. Более того, совершенно не умела общаться с людьми и явно не пыталась как-то исправить это.

Приор Бомер распахнул железную дверь, и Ноа длинную лестницу, ведущую вниз. Дорогу ему продолжали освещать факелы. Ноа продвигался осторожно, держась за влажные стены и медленно ступая на тронутые временем крошащиеся ступени. Попутно думая, ремонт этому месту не помешал бы. И чем ниже Ноа спускался, тем сильнее ощущал дрожь, исходящую от стен.

«Это и есть Абсолют», – почему-то подумал Ноа, полный уверенности.

На последней ступени Ноа почувствовал холод, пробирающий до костей, словно именно здесь начиналась реальная граница Абсолюта. Практически в этот же самый момент маленький шарик растворился, но в освещении Ноа более не нуждался. Помещение, в которое он попал, было наполнено странным светом, делающим подземелье не темным, а приглушенным. Белый туман, который окутывал каменные колонны, словно выросшие из земли, и скрывал воду, наполнявшую все вокруг. Ноа ощутил это, как только сошел со ступени, вымочил насквозь все кроссовки – уровень воды достигал его щиколоток.

Ноа настороженно озирался вокруг, двигаясь вперед сквозь туман небольшими шагами. И как в этой ситуации Абсолют попытается его обмануть?

Но тут Ноа почувствовал, что его ногу что-то схватило, и, опустив взгляд, он увидел, как вода поднималась по его щиколотке, принимая форму ладони.

– Что за черто…

Договорить Ноа так и не успел, потому что эта водяная рука утащила его под воду, как будто там резко стало глубоко.

Глава 5

Ноа разбудил аромат свежеиспеченных оладий, и, сонно разлепив глаза, он понял, что находится у себя в комнате. В той, которую оставил на Земле, в Греции. Голова кружилась, и перед глазами все плыло, как будто до этого он потерял сознание и только пришел в себя, а кости во всем теле ломило как после тяжелой тренировки. Но уже через минуту боль бесследно ушла.

Ноа беспокойно озирался. Где Хэксенштад? Где Энгстелиг, Осо, Франциск и остальные? Неужели все это было просто сном? Какой-то частью души парень надеялся на это и был рад, что проснулся, но другая его часть – самая маленькая – немного жалела того, что это всего лишь оказалось плодом его фантазии.

Ноа сел на постели, озираясь по сторонам и выискивая, где же здесь подвох. Он попытался вспомнить, что он видел последним там, но в голове стояли только образ молчаливой Энгстелиг. Ноа нервно передернуло. Все-таки будет хорошо, если он никогда не встречался с этой женщиной. Он вышел из комнаты, скрипнув дверью, и спустился по лестнице на кухню. Сердце пустилось в бешеный пляс, когда Ноа заметил, что на кухне именно его мать – живая – печет оладьи. Она обернулась и улыбнулась ему так тепло и нежно, что у Ноа внутри все похолодело.

– Мам…– пролепетал Ноа и на негнущихся ногах сделал ей шаг навстречу.

– Что такое, милый? – спросила Нея звонко и чуть-чуть склонила голову так, что несколько светлых прядей упало ей на лицо.

Она откинула их привычным жестом за спину, и Ноа бросился к ней, крепко обняв. Нея была живая, дышащая и пахнущая чем-то приятным, а Ноа, почти свыкнувшийся с мыслью, что она покинула его, затаил дыхание. Он чувствовал

небывалое спокойствие, греющее душу, ощущая родное, близкое сердцу тепло.

– Милый, что-то не так? Снова кошмары? – обеспокоенно спросила Нея, ласково поглаживая сына по голове.

«Я думал, что ты умерла», – вертелось на языке у Ноа, но сейчас он понимал, насколько абсурдно это звучало. Она была рядом, а все остальное – просто очередной кошмар.

– Нет, мам, все в порядке, – тихо произнес Ноа, смотря в родные глаза.

– Налетай, – нараспев произнесла Нея, поставив перед Ноа тарелку с оладьями и вернувшись к плите.

– Спасибо, мам, – улыбнулся Ноа.

– Не за что, родной, – ответила Нея, оборачиваясь и ероша сыну волосы. – Ешь не спеша, но постарайся не опоздать в лицей.

«Все, что вызывает в тебе эмоции, не настоящее», – вдруг, возникая из пустоты, произнес в его голове голос Энгстелиг.

Ноа оборачивается к матери, и сердце его сжимается от боли. Как понять, что настоящее, а что нет? Был ли сном Хэксенштад или сейчас он спит?

– Я люблю тебя, мам, – сказал Ноа, окончательно запутавшись. – Я не голоден, наверное, пойду уже.

– Нет, молодой человек, вы позавтракаете, – сурово произнесла Нея, нахмурившись. Она так делала совсем нечасто, но Ноа, как и сейчас, легко сдавался. Парню пришлось немного поковыряться в тарелке, хотя аппетита действительно не было.

Воспользовавшись тем, что Нея снова вернулась к готовке, он незаметно выскользнул из-за стола и прошел в гостиную. Ноа хотел разобраться во всем. Каким-то странным образом сон о Хексенштаде повлиял на него, затянул и никак не отпускал. Так забавно: он помнит, что так хотел, чтобы Энгстелиг со всеми

остальными были плодом его фантазии, а теперь никак не мог отделаться от чувства, что хочет вернуть их.

В гостиной он искал хоть какую-то подсказку, которая могла дать причину засомневаться в реальности происходящего. Но комната было совершенно обычная, такая же, как и всегда. Все тот же старый потертый бежевый диван со следами от кружек на подлокотнике, за которые Нея его неоднократно ругала, все тот же ковер, который Нея притащила с распродажи, тот же стол и книжный шкаф, все те же фотографии на нем… Ноа внимательнее присмотрелся и увидел в одной из старых фоторамок неизвестную ему фотографию, где Нея – совсем юная – стояла рядом с какими-то молодыми людьми. Один темноволосый мужчина, обнимал ее за талию, а невысокая черноволосая девушка с светловолосым молодым мужчиной просто стояли по обе стороны от них. Лица людей Ноа рассмотреть не мог, потому что фотография сильно выцвела, как будто долго стояла под солнцем. Узнавалась там лишь только Нея. Взглянув на изображение, у Ноа появилось странное чувство, будто он где уже встречал этих людей.

Ноа поднял фоторамку и осторожно вытянул из нее фото, прекрасно помня о привычке матери подписывать их сзади. Надпись почти ничего не сказала ему – «Нея, Киллиан, Аркон, Энгстелиг», – хотя обычно она с точностью до мелочей записывала, где и когда было снято фото.

Энгстелиг! Значит, ему не приснилось! Ноа чувствовал, что где-то уже слышал другое имя с фотографии, но не мог понять где. Возможно, Нея когда-то упоминала о нем при сыне. «Киллиан, Киллиан, Киллиан» – Ноа прокручивал в голове это имя и пытался рассмотреть его лицо на фотографии. Но без толку. Через несколько минут парень сдался, но тем не менее аккуратно сложил фото и сунул в карман, а затем, быстро прихватив из комнаты рюкзак и не удосужившись проверить, что там лежит, вылетел из дома, уже в дверях взглянув на суетящуюся у плиты Нею.

– Я люблю тебя, мам, – произнес он напоследок.

Ноа встретило прохладное осеннее утро, и он немного поежился. Улица была, на удивление, пустая, но Ноа как раз и любил такое время, когда никого не было. Единственным, кого он встретил на своем пути, была трехцветная небольшая собачонка с недовольным выражением морды. Она уставилась на парня, и Ноа, с удивлением отметил, какой осмысленный – как будто человеческий – взгляд у

нее. В остальном, собака выглядела вроде как милой – пузатая, с темно-коричневой и рыжей шерстью на боках и белоснежными коротенькими лапками.

– Ладно, ты себя накручиваешь, – проговорил Ноа, тяжело вздыхая. – Это могут быть просто совпадения.

Но в этот же момент, словно в опровержение его слов, парня очень громко – чуть ли не на всю улицу – позвали по имени. Сначала он подумал, что, скорее всего, ослышался, но голос снова прозвучал, на этот раз громче:

– Ноа! Ноа! Помоги!

И теперь сомнений не осталось. Он либо сходил с ума, либо это действительно был голос Осо. Ноа судорожно начал озираться по сторонам, не решаясь позвать девушку, но, как и раньше, единственной, кто была с ним на улице та же пузатая собачонка, которая с усердием чесала за ухом. Ноа тупо уставился на нее, и собачонка, поймав его взгляд, перестала это делать и в ответ уставилась на него, а затем поднялась и поковыляла прочь на своих коротеньких лапках.

– Это бред какой-то, – пробормотал Ноа, бросаясь вслед за собакой по маленьким улицам.

Собачонка то и дело озиралась, да еще и таким важным видом, мол, наконец-то этот дурачок пошел за ней. Ноа и в самом деле считал себя сейчас дураком, ищущим какие-то знаки и бродящим по улицам за бездомной собакой, которая взялась ни пойми откуда. Где был его здравый смысл? Да, и в самом деле, нужно прекратить это. Не о том ли он думал, когда «был на Виридитерре», что хочет вернуться на Землю, где была жива мама? Так почему он так отчаянно теперь хочет вырваться отсюда, понять, что же из всего произошедшего с ним было настоящим сном?

– Да, нужно прекратить это, – снова сам себе сказал Ноа и встал, как вкопанный, посреди незнакомой ему улицы. Наверное, это был самый глупый вариант идти за собакой.

Он осмотрел невысокие, сросшиеся в один, маленькие черные домики с плотно зашторенными окнами, разбитые каменные дорожки из черной плитки, разноцветные почтовые ящики, и понял, что даже приблизительно не знает, где

оказался. Более того, он был совершенно уверен, что поблизости с его домом не было такой улицы.

Небо над ним стало свинцово-серым, в воздухе опасно повеяло грозой. Сильный поток ветра поднял ввысь пожелтевшую осеннюю листву и пронес мимо Ноа, захлестнув его.

– Ну и что ты остановился? – послышался откуда-то снизу могучий бас.

Ноа непонятливо уставился на собаку, снова безмятежно чесавшую себе за ухом. Он огляделся по сторонам еще раз и никак не мог взять в толк, кто с ним говорил. Но впереди и сзади была бесконечная узкая улица из черных домиков, а Ноа по-прежнему был единственным человеком здесь.

– Эй, вообще-то в разговоре принято смотреть на собеседника, а, чтобы завязалась беседа, следует отвечать, – снова послышался бас. – Я тут, внизу.

Ноа снова посмотрел на собачонку и обомлел. Теперь Пес – иначе Ноа теперь не мог сказать – стоял на задних лапах, упершись в бока, и грозно смотрел на него, явно раздраженный невежеством юноши. Но самым странным было не это. Сейчас на Псе красовались темно-зеленые короткие брюки на подтяжках, черный сюртук, забавный галстук в кость и даже высокий цилиндр, а дополняла картину небольшая трость.

– Я… Я… – промямлил Ноа.

– «Я-я», – проворчал Пес. – Говори четче.

– А где ботинки? – только и смог вымолвить Ноа, потому что именно их и не хватало для полного образа.

– Ты когда-нибудь видел, чтобы собаки носили обувь, дурачье?

«Да я и не видел, чтобы собаки носили цилиндры и сюртуки», – подумалось Ноа, но он опомнился, не дав этой мысли соскользнуть с его губ, ведь припомнил всех этих милых карманных собачек, которые любящие хозяйки одевали во всякие глупые наряды.

– Беседу следует начинать со знакомства, – продолжил Пес. – Меня величают приор Тоби Гейтс, я являюсь…

– Кто называет собаку Тоби? – вырвалось у Ноа.

– Меня так матушка нарекла, щенок! – огрызнулся Тоби и неприятно оскалился, показав Ноа ряд мелких зубов с острыми клыками зубов.

– Прости, – искренне произнес юноша.

– Те.

– Что-что?

– «Простите», к старшим принято обращаться на «Вы», – нравоучительно сказал Тоби.

– Простите, – поправился Ноа.

– Так-то лучше.

Он замолчал, удовлетворенно поглядывая на Ноа, на языке у которого вертелся вполне понятный вопрос.

– Простите, – заговорил Ноа, – а кто вы, собственно, такой?

– Кто я такой?! – возмущенно произнес Тоби. – Кто я такой?! Я же представился!

– Да, но я хотел сказать… – Ноа совсем не знал, как высказать мысль о том, что у собак не принято разговаривать человеческим языком.

– Я, можно сказать, твой проводник, твой спутник и лучик надежды, который поможет тебе пройти Испытание Абсолюта, – великодушно ответил Тоби.

«Так мне все-таки не приснилось», – подумалось Ноа, и он сразу же дернулся назад, вспомнив, что оставил там маму, но и впереди, и сзади по-прежнему была

длинная улица из черных домиков.

– Ты справился с первым испытанием, – продолжал Тоби. – Ты проявил недоверие к одной из самых сильнейших эмоций – к любви. Не поддавшись обману Абсолюта, ты…

– Первое испытание? Будут еще?

– Не могли бы вы не перебивать меня, молодой человек? – раздраженно рыкнул Тоби. – Так на чем я остановился? Ах да, Абсолют использует еще страх и веру. – Он таинственно и многозначно посмотрел на Ноа и продолжил: – Так чего ты боишься, Ноа?

Ноа даже не успел подумать, откуда Тоби знает его имя, как тот его опередил:

– Ты ведь думаешь, откуда я знаю твое имя, да?

И пока под величественный хохот пса, Ноа лихорадочно соображал, чего же он боится – пауки, змеи, учитель географии Ксенон Адаму, – улица начала расширяться, а точнее – дома стали отдаляться от них. За спиной пса появился густой черный дым. Из него медленно отделялась фигура – начали показываться тонкие руки в перчатках, словно кто-то пытался выбраться оттуда. Но от созерцания этого процесса юношу отвлек Тоби, уставившийся прямо за спину Ноа:

– Ох, а вот и началось. Твое второе испытание, мой щеночек. Сейчас-то и узнаем, чего ты боишься.

Ноа сразу же обернулся назад и увидел точно такой же дым, но тот был гораздо крупнее того, что появлялся перед ним. Из этого столпа дыма появлялись не руки, в тьме проглядывались белые волосы и черная мантия с золотой лентой по краям, которую Ноа видел лишь однажды. Юноша в ужасе застыл, не находя в себе сил даже, чтобы сдвинуться с места, потому что сразу понял – хотя и отказывался верить, – что за человек скрывается в дыме.

Это он, убийца его матери.

Но почему он отражает его страх? Ноа ведь не боится его, а хочет отомстить ему! Абсолют играл на его чувствах, пользовался подсознательными страхами, сталкивал с ними лицом к лицу, чтобы Ноа понял: этот треклятый Ройван пугает его до чертиков своей безжалостностью, бессердечностью. Юноша едва сдерживал слезы, прошептав яростно-слезливое: «Ненавижу… ненавижу тебя…», но вместе с тем в душе его поселился ужас – одно дело ненавидеть его на расстоянии и совсем другое встретиться с ним. Он ведь еще совсем не готов!

– Кошки тебя подери! Да это же фрау Энгстелиг! – послышался бас Тоби. – Знаешь, щеночек, ты не первый, у кого я встречал ее здесь, но только у тебя она выглядит таким образом. Ты и вправду ее такой видишь?

Ноа снова обернулся и то, что предстало его глазам, сложно было назвать именно той Энгстелиг, которую он знал. Ее короткие черные волосы были спутаны, шрамов, которых у нее и без того было множество, гораздо прибавилось и они были глубже, больше. Единственный глаз был черным, и в нем читалась ярость. Сама она сгорблена, словно дикое животное, готовившееся к нападению. Одежда местами истрепана, изорвана и со свежими пятнами крови на ней. И в руках у этой Энгстелиг был ее кинжал – кривой, словно бы искаженный, какой-то неправильный.

– Ох и сочувствую я тебе, – снова сказал Тоби. – Это редкость встретить сразу два страха. Советую определиться, чего больше боишься, и преодолеть тот страх, который поменьше.

Легко сказать: преодолеть страх!

– Но я даже не знаю, почему здесь появилась Энгстелиг! – вскричал Ноа в тот момент, когда Ройван, наконец, отделившись от дыма, двинулся прямо на него.

Ноа не знал, в какую сторону бежать. Спереди Ройван, сзади грозная Энгстелиг, а по сторонам – бесчисленное множество чужих черных домов, ставших картонной декорацией словно из какого-то дешевого спектакля. Он бросил быстрый взгляд на Тоби, но тот лишь развел лапами, мол, справляйся со своими страхами, дружок, тут я тебе не помощник, я просто проводник.

Ройван был уже совсем близко, а Ноа все еще лихорадочно соображал, что же ему делать. Почему, почему же здесь появилась Энгстелиг? Из-за чего он ее

боится? Как справиться с Ройваном, который с холодным отрешенным лицом несся прямо на него?

Мысль пришла внезапно – быстрая, отчетливая, как будто навеянная кем-то, – когда в руках Ройвана материализовался меч – длинный изящный клинок. А что, если он – Ноа – подключит свою фантазию, подумает об оружии, это сработает? Парень стал представлять множество видов клинков и подобного оружия, которые когда-либо на картинках, в музеях, в фильмах, но совершенно ничего не происходило.

– Черт, черт, черт, – бормотал Ноа, отступая назад.

Единственное, что утешало, так это то, что Энгстелиг все еще не двигалась. Она стояла, замерев, в той же позе, из которой и появилась – застывшая, скованная невидимыми путами, словно заледеневшая. Рядом с Ноа просвистел меч – Ройван нанес первый удар, и только чудо помогло парню уклониться от него. Движения Ройвана были беспорядочны и хаотичны, но у Ноа было такое чувство, будто он знает, куда он ударит в следующий момент.

Он уклонялся и уклонялся, избегая острого лезвия, непроницаемого взгляда Ройвана, будто застывшая маска. В мольбе Ноа взглянул на Энгстелиг. Ах, было бы прекрасно, если бы здесь была реальная Энгстелиг и помогла ему, совсем как тогда, когда вытащила его из дома, где был Ройван. И тут Ноа почувствовал неприятный укор совести – он был рад бежать из дома, в котором появился этот человек. Как бы он не упрекал ее в том, что она бросила его мать

И Ноа вдруг понял, чего он боится. Он боялся не саму Энгстелиг – не ее пугающего вида, не ее холодности, не ее бесчувственности. Его пугало то, что и она его оставит. И он закричал:

– Энгстелиг! Помогите!

Ноа бросился к ней – и будь, что будет, если он оказался неправ в своей догадке, потому что другого выхода у него не было. Он вцепился в ее руку, ища спасения, смотря в горящий недобрым светом глаз, а Энгстелиг все продолжала стоять, не шелохнувшись. Нет, так не бывает, чтобы зло побеждало добро. Во всех фильмах, что Ноа смотрел, во всех книгах, что он прочел, добро всегда одерживало победу. Не может быть так, чтобы история Ноа так закончилась.

Герою всегда кто-то помогает – какая-то чистая сила, само воплощение добра, – и если зло в этой истории Ройван, то Энгстелиг, несомненно, добро.

– Энгстелиг! – снова взмолился Ноа, когда Ройван стоял уже лицом к лицу с ним.

Ройван занес меч высоко над головой, и Ноа зажмурился, готовый принять удар. Но вместо этого раздался звон – удар металла о металл. Ноа распахнул глаза, почувствовав чью-то теплую руку у себя на плече, и понял, что Энгстелиг закрыла его собой, отразив меч Ройвана своим клинком, удлинившимся, принявшим форму меча.

Но то была совсем другая Энгстелиг, неведомая Ноа. Эта Энгстелиг была красива и юна, на бледном лице не было еще ни одного шрама – даже самого маленького – и у нее были оба глаза. Она была чуть ниже ростом с длинными темными кудрями и в другой одежде.

– «Ты делаешь ей больно! Прекрати пытаться добиться того, что тебе не нужно», – прокричала Энгстелиг, и Ноа почему-то показалось, что это было адресовано не ему и не Ройвану.

Она оттолкнула Ноа от себя и пошла в наступление. Энгстелиг закрутилась, завертелась, так ловко обращаясь с мечом, что Ноа и впрямь подумал, что она – его спасение. Ройван пятился назад, отражая нападение, но форма меча Энгстелиг постоянно менялась, он становился чем-то новым – алебардой, саблей, шашкой, – что он просто не успевал приспосабливаться к новой тактике ведения боя.

Ройван вдруг взревел, словно раненый зверь, и всем своим весом бросился на Энгстелиг, свалив ее с ног. Он подгадал правильный момент, когда ее клинок видоизменялся и это сработало. Он отбросил ее меч в сторону и резко схватил за горло. Ноа увидел его спину – совсем как тогда, когда он убил его мать, – и маленькую Энгстелиг, обмякшую.

– Может, ты что-нибудь уже сделаешь? – произнес рядом Тоби.

Ноа не знал, что делает, когда сломя голову побежал к Энгстелиг и яростно выкрикнул: «Оставь ее, оставь, оставь!», но почти в этот же момент из-под земли, словно гейзеры, поднялись столпы белого пламени, устремившиеся к

Ройвану. Пламя скользнуло по его спине и потухло, а мужчина зло повернулся к Ноа, но юноша что есть мочи оттолкнул его в сторону. И хоть сдвинуть Ройвана ему не удалось, в местах, где Ноа коснулся его, появилось то самое белое пламя. Ройван, разжав руки и отпустив Энгстелиг, отшатнулся от них, и Ноа снова закричал, почувствовав небывалый прилив сил, идущих от гнева, от страха и любви:

– Ты больше не посмеешь никого тронуть! Никого!

С каждым его словом вокруг них со всех сторон поднимались столпы пламени, которые терзали Ройвана, но не трогали Ноа. Пламя, будто послушный пес, ласкало руки Ноа, ластилось к нему, пытаясь найти снисхождение. Ноа чувствовал внутри себя силу, которая пыталась вырваться на свободу, и он подсознательно знал, что нужно делать. Он коснулся пламени, и оно вдруг прильнуло к нему с большим рвением, сосредотачиваясь и материализуясь в его руке, принимая форму длинного прозрачного – будто бы стеклянного – меча. Меч потихоньку наполнялся белым светом, словно пламя закрадывалось внутрь лезвия, и когда Ройван оказался зажат, скован со всех сторон обступившим его огнем, Ноа сделал то, чего хотел.

Он наотмашь рубанул мечом, но разрезал только воздух.

«Отец и сын, отец и сын. Одно пламя на двоих», – молвил все тот же голос.

Мир вокруг замер.

За спиной Ноа раздались хлопки, юноша обернулся, но там никого не было. Даже Тоби, который все это время оставался молчаливым наблюдателем. Но вдруг перед Ноа оказалась Энгстелиг – та, которой он ее запомнил, со всеми ее шрамами и недостатками. Она положила обе руки ему на плечи и произнесла:

– «Мальчик избирает свой путь. Волчица ему поможет».

И то снова был не ее голос. Миллионы шепотков слились в один голос и молвили устами этой женщины, внимательно смотрящей на Ноа. Он все еще сжимал меч в своих руках, не зная, что с ним делать дальше, но почему-то знал, что эта Энгстелиг не его враг.

– Что? – непонимающе произнес он.

– «Не предавший оборотень в поисках своего пути», – шепот, казалось, стихал, но Ноа еще мог разобрать его.

«Хедди, Хедди, Хедди», – затараторил мужской голос в отчаянии, прорвавшийся, выделившийся среди бесконечного шепота.

«Это имя выбрал для меня дедушка. Он единственный, кто у меня остался», – и Ноа без труда различил среди шепотков голос Осо.

– Мне так нравятся эти фиалки, – чей-то незнакомый голос прорывался и перекрывал все остальные.

Энгстелиг начала понемногу распадаться, таять прямо на глазах, и Ноа, отбросив меч, вцепился в ее руки, не желая отпускать. Нет, она не может его оставить. Он не справится один, герою всегда нужна помощь, ему всегда нужны друзья и нужен наставник. Она все еще что-то шептала чужими голосами – «Мы отрекаемся от тебя!», «Я помогу бежать!», «У нас будет ребенок», – но они звучали все тише и тише, более приглушено, отдаленно.

– «Я люблю тебя, сынок, и надеюсь, что ты будешь сильным», – и то был голос Неи, вырвавшийся из череды бесконечного шепота.

Все вокруг стало заполняться белым светом и, когда он заполнил все вокруг, Ноа устало упал наземь. Рядом снова оказался невесть откуда появившийся Тоби и с каким-то странным выражением морды, какое только может быть у пса, коснулся своим набалдашником лба Ноа, и юноша тоже начал растворяться.

– Эх, вы, Вайскопфы, всегда цепляетесь и надеетесь на помощь Энгстелигов.

***

Открыв глаза, Ноа поморщился от яркого света – он лился из стрельчатых окон, находившихся под высоким потолком. Парень, стараясь не делать резких

движений, осмотрел помещение. Оно было совершенно ему незнакомо. Высокий потолок подпирали толстые деревянные балки, железные кровати стояли в два ряда как в армейской казарме. По проходам между кроватями ходили девушки невероятной красоты. Необычными были их уши – чуть больше человеческих и слегка заостренные, но несмотря на свою форму и размер они гармонично смотрелись на небольших головах прекрасных девушек.

– О, я вижу, ты на эльфиек заглядываешься, – прозвучал голос Рикки, который появился не пойми откуда. – Значит, скоро придешь в себя окончательно.

– Я э-э-э что? – Ноа был еще слаб, да и голова работала не в полную силу.

– Эльфийки – работницы лазарета, – нетерпеливо, разжевывая все словно маленькому ребенку, пояснил Рикки.

– Так значит вот я где, – Ноа совершенно не помнил, как он сюда попал, даже испытание Абсолютом было словно в тумане. – И долго я здесь?

– Хм, – Рикки задумчиво нахмурил брови, театрально посмотрел на несуществующие часы на своей руке, затем широко улыбнулся и произнес: – Уже два дня.

– Мы пришли сказать, что очень рады, что ты с нами, новобранец, – Ноа даже подпрыгнул от неожиданности, услышав голос Никки. Парень мог поклясться, что еще пару секунд назад ее не было в лазарете, а сейчас она уже стоит по другую сторону его кровати.

– Вы с Осо прошли. А Вайолет не справилась, – сказала Никки.

– Осо, к слову, выписали еще вчера.

Ноа попытался подняться, однако это ему оказалось не по силам – голову, словно стрела, пронзила новая вспышка боли, а мышцы ныли от перенапряжения. Парень, сам того не ожидая, зажмурил глаза и громко вздохнул. Проходящая мимо эльфийка бросилась к нему:

– Тише, тебе еще нельзя вставать, – ее мягкий певучий голос резко контрастировал со скрипучим голосом Никки, и был отдаленно знаком Ноа. Парень сам не понимал, где мог его услышать, да и головная боль мешала даже думать о событиях прошлых дней.

Тем не менее долго жмуриться парень не мог, поэтому Ноа открыл глаза и увидел перед собой самую прекрасную девушку на земле – она положила свою хрупкую, белоснежную руку ему на лоб и от этого прикосновения боль стала немного утихать. Ее большие глаза цвета скошенной травы внимательно и немного с тревогой изучали Ноа. Он был настолько заворожен красотой эльфийки и ее мягкими, плавными движениями, что просто сидел и беззвучно шевелил губами, пока его мозг судорожно пытался сформулировать хоть какую-нибудь фразу. Весь остальной мир в этот момент отошел на задний план. И даже смешки близнецов, доносившиеся словно из-под земли, не волновали Ноа. У эльфийки были короткие пушистые огненно-рыжие волосы, немного завивающиеся на концах, и которые она старательно пыталась заправить за длинные заостренные уши. На ее лице отражалась озабоченность самочувствием Ноа. А затем эльфийка убрала руку со лба парня и целебная магия, которую она сотворила, растаяла. Как и завороженность Ноа.

– Теперь тебе должно полегчать, Ноа – губы эльфийки изогнулись в мягкой улыбке. Она собиралась уйти, но парень окликнул ее:

– Стой, погоди, – Ноа слегка приподнялся на локтях, в этот раз головная боль не была такой сильной. – Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Эльфийка окинула взглядом близнецов, словно ища у них поддержки, но Рикки и Никки не обращали на нее внимания. Казалось, что им намного более интересно рассматривать потолок или носки своих ботинок. Когда эльфийка поняла, что помощи ждать неоткуда, она заговорила:

– О тебе все знают, Ноа.

Уже второй раз она назвала его по имени. Подсознательно парень вел этому счет, потому что ему казалось, что из уст эльфийки его имя звучит как-то по-особенному. Однако Ноа смутили ее слова:

– Это что еще значит? В смысле обо мне все знают? – парень хотел получить ответы. Однако он не мог не заметить, что эти вопросы как будто испугали эльфийку. Она нервно теребила свой фартук без нагрудника и больше не смотрела Ноа в глаза.

– Я… знаешь, мне пора идти, – эльфийка быстро развернулась на каблуках туфель.

Ноа не хотел пугать ее, поэтому решил отложить эти вопросы на потом. В конце концов, в любой школе к новичкам приковано пристальное внимание. Возможно, в Хэксенштадте также. Но он не хотел заканчивать разговор так.

И тут парень, который никогда особо не интересовался девушками до этого, сделал нечто необычное для себя:

– Скажи хотя бы, как тебя зовут, – бросил он вслед эльфийке, которая уже была на полпути к выходу из лазарета.

Девушка слегка вздрогнула, но все же покорно остановилась.

– Эли, – бросила она через плечо и, даже не взглянув на парня, вновь устремилась к выходу.

Ноа был потрясен такой реакцией эльфийки. Парень, конечно, и раньше подозревал, что не очень интересен девушкам, но поведение Эли вообще выбило его из колеи.

Рядом с ним хмыкнул Рикки, который решил теперь наконец-то оторваться от разглядывания потолка:

– Типичная ошибка новичка.

– Что? В смысле? – Ноа кое-как оторвал взгляд от отдаляющейся фигуры эльфийки и перевел его на близнеца.

– Я говорю, что практически каждый новичок, побывавший в лазарете, влюбляется в эльфийку. Только ты это брось.

– Да, Ноа, – поддержала брата Никки. – Это гиблое дело. Она и не посмотрит на тебя.

– И вовсе я в нее не влюбился, – Ноа откинулся на подушку и закрыл глаза. Таким образом, парень хотел завершить эту тему – еще не хватало, чтобы близнецы подумали, что ему понравилась та эльфийка. Парень уже раз десять успел пожалеть о том, что вообще спросил ее имя и дал Рикки и Никки повод для подтрунивания над ним.

Однако близнецы повели себя совершенно непредсказуемо – Ноа ждал от них хотя бы несколько дурацких шуточек, но они молчали. Тишина давила на Ноа, но сам он тоже не решался заговорить – просто не знал, о чем спросить близнецов.

– Мы тоже пойдем. Раз ты очнулся, значит, сегодня к вечеру будешь уже в своей комнате. Встретимся в столовой, – проговорил Рикки через несколько секунд.

– Угу, – Ноа совершенно не слышал звука их удаляющихся шагов, хотя даже грациозные эльфийки не могли передвигаться по мраморному полу лазарета бесшумно. Но, когда парень открыл глаза, близнецов уже и след простыл.

Глава 6

К вечеру, как предполагали близнецы, Ноа из лазарета не выписали. Перед ужином к парню подошла эльфийка – такая же миловидная, как и остальные, но гораздо старше их. Ее возраст выдавали седые, практически серебряные, волосы, хотя на лице эльфийки не было и намека на морщины. В ее раскосых мутно-зеленых глазах Ноа усмотрел бесконечную усталость, как будто она прожила уже не одно столетие, и эльфийке порядком поднадоело все, что она увидела за это время. Ноа понял, что женщина-эльфийка здесь главная, потому что она была одета в белый халат – такие на земле носят врачи, – а не в синее приталенное платье с пышной юбкой, как остальные эльфийки. Поведение девушек-эльфиек тоже намекало ее высокое положение – они как будто притихли, когда она появилась в лазарете, и не разговаривали ни между собой, ни с немногочисленными пациентами лазарета.

Главная эльфийка свободно присела на край кровати Ноа, а затем улыбнулась и заговорила:

– Ну, здравствуй, Ноа Вайскопф, – парень отметил, что ее голос звучал также мягко и певуче, как и голос Эли.

– Зд…здравствуйте, – запнувшись, произнес Ноа. Ее большие глаза и лицо, по форме напоминавшее сердце – напомнили ему об Эли. Парень злился на себя за то, что вообще вспомнил о ней.

– Я главная целительница лазарета при академии Хексенштадт. Мое имя Лиора, но все зовут меня Старшая, – парень хотел узнать, почему его до сих пор держат в лазарете, но по какой-то, даже ему самому неведомой причине, не мог и не хотел перебивать целительницу. Наверное, все дело было в невероятной внутренней силе, которая исходила от женщины-эльфийки и распространялась по всему лазарету.

– Я пришла сообщить, Ноа, – Лиора сделала упор на имя парня, – что ты покинешь лазарет завтра утром, перед началом занятий. Ты перенес невообразимые нагрузки при испытании Абсолюта, поэтому я хочу тебя оставить под надзором еще ненадолго.

Несмотря на ее мягкий голос, она произнесла эти слова таким тоном, что Ноа понял – возражать бесполезно. Она улыбалась ему, говорила нарочито мягко и ласково, но парень чувствовал в ее характере сталь, схожую с той, что была в характере Энгстелиг. Но если Энгстелиг была вся словно выточена из этой стали – грубая, прямолинейная, решительная, – то у этой эльфийки она прекрасно сливалась с ее мягкостью и женственностью. Она внимательно изучала Ноа, словно могла смотреть сквозь него с помощью какого-то скрытого рентгена. Позже, когда Старшая ушла, Ноа вспомнил знакомство с его соседом по комнате и решил, что провести еще одну ночь в лазарете не так уж и плохо.

За то короткое время, которое Ноа провел рядом с соседом, и их нелепый диалог, у парня не сформировалось ровным счетом никакого отношения к Кайлу. Просто парню было непривычно делить свою комнату с кем-то еще, по сути, с незнакомцем. И хоть в лазарете все же было несколько пациентов, и Ноа волей-неволей приходилось с ними соседствовать, здесь это чувство неловкости улетучивалось.

Ночь не пролетела незаметно, как бы этого не хотел Ноа. Парень очень долго не мог уснуть – вздрагивал от каждого скрипа кроватей или от мирных похрапываний его соседей по лазарету. Он даже не закрыл в глаза, всматривался в густую темноту и будто бы ждал, что из нее вот-вот выйдет Ройван. Безжалостный убийца пугал Ноа, и хоть парень постоянно думал, что в этой жизни ему больше нечего терять, умирать ему все же не хотелось. Ноа знал, точнее чувствовал, что нужен Ройвану. А раз нужен, значит, он когда-нибудь придет. И толстые стены Хэксенштадта не смогут его уберечь. Поэтому Ноа твердо решил, что как только покинет лазарет – начнет готовиться к встрече с тем, кто отнял у него мать. Ноа боялся за свою жизнь – теперь парень нигде не чувствовал себя в безопасности – но все равно где-то на задворках его души жила жажда встречи с Ройваном, жажда мести. Через пару часов безрезультатного вглядывания в темноту парень почувствовал, как медленно тяжелеют его веки, и все его мысли постепенно отходят на второй план. Этой ночью сон все же взял верх над парнем.

Спалось Ноа плохо. Он то и дело просыпался – каждый раз в холодном поту – слушал посапывание его немногочисленных соседей и успокаивался. Открыв глаза на рассвете, парень решил, что уже нет смысла пытаться снова уснуть.

Ноа еще вчера приметил открытую террасу, которая отлично проглядывалась через стеклянную стрельчатую дверь с противоположной стороны от кровати парня. Тогда он не решился выйти и осмотреть окрестности – плохо себя чувствовал после испытания. Но парню стало легче, и больше ничего ему не мешает выйти на террасу.

Ноа медленно встал с кровати, которая предательски заскрипела, он огляделся по сторонам – никто не проснулся. Под кроватью Ноа нашел свои ботинки, наспех обулся и, стараясь двигаться бесшумно, подошел к двери. Парень – осторожно, без лишнего шума – открыл дверь и покинул лазарет.

Небо горело и напоминало Ноа волосы эльфийки Эли. Темно-синий небосвод растворялся в ярких теплых цветах – оранжевом, красном, желтом. Тьма уходила медленно, будто бы нерешительно, не желая расставаться с властью над землей.

Терраса представляла собой открытую прямоугольную площадку длиной метра четыре. Каменная изгородь по краям была почти полностью скрыта под густыми зарослями растений.

Ноа подошел к краю террасы и осмотрел утренний Хэксенштадт. Внутренний двор школы, хоть и не был полностью безлюден, выглядел еще прекраснее, чем Афины. Первые солнечные лучи освещали каменные строения и те отбрасывали резкую тень на брусчатку.

Прохладный утренний ветерок обдувал парня, но у него совсем не было страха заболеть. Ноа хотел постоять еще немного и посмотреть на Хэксенштадт – другой, не тот, который ему довелось увидеть вместе с Осо и Энгстелиг. Этот Хэксенштадт был словно закадровым, труд рабочих был тем, что вряд ли бы заинтересовало кого-нибудь здесь. А Ноа считал это занимательным: то, как устраивается и поддерживается Хэксенштадт, как кипит в нем жизнь, которая не связана с занятиями магией. За огородом виднелась четырёхэтажная башня из красного кирпича. Она возвышалась над всеми постройками, которые сейчас были в поле зрения Ноа, и этим привлекала внимание к себе. Она явно была возведена для охраны границ Хэксенштадта – Ноа мог разглядеть часовых, хотя издалека они были похожи на точки.

Воображение живо рисовало ему сюжеты из исторических фильмов, где отважные воины бегают внутри, поднимаются и спускаются по винтовым лестницам, чтобы занять боевые позиции. Ноа даже почувствовал запах пота и пороха, услышал крики главнокомандующего. В его голове это было также реально, и парень, с присущим ему юношеским максимализмом, представлял себя на месте одного из отважных воинов. Хотя бы в мечтах он мог побыть героем, сильным и смелым.

– Я тоже люблю эту террасу, – Ноа услышал из-за плеча знакомый мягкий голос. – Отсюда открывается красивый вид.

Парень обернулся, рядом с ним теперь стояла Эли, но смотрела она не на Ноа, а вдаль. Сегодня ее волосы были собраны в высокий тугой хвост, открывая тонкую бледную шею с россыпью милых веснушек. В руках девушка держала потертый временем свиток.

– Я… – сердце парня бешено стучало, а мысли в панике разбежались, и Ноа пытался согнать их в кучу и хоть что-нибудь сказать. Он понял, что молчит уже слишком долго, однако ничего не мог придумать, но тишину нарушила сама Эли:

– Я принесла расписание занятий, – Эли протянула свиток парню и, улыбнувшись, добавила: – Удачи тебе сегодня, Ноа Вайскопф.

Как только парень взял свиток, Эли быстро развернулась на каблуках и пошла прочь, пока Ноа стоял и просто смотрел на ее удаляющуюся фигуру. Эльфийка мягко ступала по каменному полу террасы – это была самая изящная походка, которую Ноа видел в своей жизни, – ее туфли не издавали ни единого звука, и создавалось впечатление, что Эли не идет, а изящно плывет по воздуху.

Он хотел ее остановить – сам даже не зная почему, – ему определенно нужно было сказать что-то еще, обронить хотя бы самую маленькую фразу, чтобы задержать ее, поговорить еще. Но Эли словно прочитала его мысли и, почти дойдя до двери, остановилась и снова повернулась к Ноа. Но ее взгляд снова был направлен не на него, девушка смотрела вдаль, на школьный огород.

– Там, по соседству с папоротниками, растут ночные лилии. Когда они цветут, лепестки начинают светиться фиолетовым цветом. Говорят, что, если прислушаться, можно услышать, как эти цветы поют. Правда, это всего лишь глупая легенда, – Эли зарделась, словно сказала какую-то глупость, а потом кивком указала вдаль. – Они зацветают лишь тогда, когда чувствуют кровь и смерть. Невероятно прекрасные и кровожадные цветы.

Парень, возможно впервые за все время, посмотрел Эли прямо в глаза. В них одновременно читались такие чувства как грусть, усталость и вместе с тем надежда. Ноа очень хотелось что-нибудь ей сказать, поддержать эльфийку, но он словно оцепенел и как завороженный не мог отвести взгляда от ее зеленых глаз. Он знал, что это банально, глупо, но в них он видел всю красоту бескрайних зеленых лесов, тайных, прекрасных и вместе с тем опасных.

– Почему ты вдруг заговорила о лилиях? – вырвалось у Ноа.

– Потому что я всегда хотела на них посмотреть, – ответила она, улыбнувшись самой прекрасной улыбкой, которой Ноа доводилось видеть.

– Но почему ты заговорила об этом со мной? – Ноа словно цеплялся за соломинку.

Она на секунду задумалась, словно думая, что он шутит, ведь она говорила очевидные – для нее – вещи.

– Я слышала о тебе, Ноа Вайскопф. Ты здесь чужой, но вернуться ты не можешь. Новый мир, должно быть, пугает тебя, и я подумала, что стоит рассказать тебе о чем-нибудь по-настоящему прекрасном.

Эли кивком попрощалась с ним и, быстро развернувшись, удалилась, а Ноа так и остался стоять, думая, что неважно, насколько прекрасны эти цветы, ведь Эли их в любом случае их затмит.

Когда девушка скрылась из виду, парень опустил глаза на свиток. На первый взгляд в нем не было ничего необычного и магического, но стило только Ноа его развернуть, как старый свиток превратился в карту Хэксенштадта, на которой красными крестиками были отмечены места, где парень должен был сегодня появиться. Над крестами мелкими аккуратными буквами было написано время, название предмета и имя преподавателя.

Если верить этой карте, в восемь у Ноа был вводный урок, который проводила Эсмеральда Дарксон.

Парень не знал, который сейчас час, но опаздывать ему уж очень не хотелось. Он, не отрывая взгляда от свитка, направился к выходу.

Ноа терпеливо следовал, сверяясь со свитком, и вышел из лазарета в широкий пустой коридор. Эльфиеек и других постояльцев школы не было видно, возможно, они все находились в других помещениях, которые были скрыты от Ноа тяжелыми дубовыми дверьми. Человечек все вел и вел парня, сначала на лестничный пролет, затем по двору Хэксенштадта.

Двор Хэксенштадта был огромным. Выйдя из здания лазарета, парень взглядом уперся в трехэтажное серое кирпичное здание, из которого размеренной походкой вышел Леон. Мужчина улыбнулся Ноа и помахал ему рукой:

– Поздр-р-равляю, тепер-р-рь ты полнопр-р-равный ученик Хэксенштадта, – Леон произнес это так, как будто жизнь парня теперь должна была круто измениться в лучшую сторону. Но Ноа почему-то казалось, что все будет совсем наоборот.

– Да, спасибо, – губы парня тронула легкая улыбка. Грусть, поедавшая его душу все время после убийства Неи, отступила под натиском искреннего дружелюбия

Леона.

Парень, следуя за маленьким человечком, обогнул здание лазарета и еще несколько минут шел по двору Хэксенштадта, пока не дошел к пятиэтажному зданию. Хоть оно и было выполнено из того же серого кирпича, что и общежитие для прислуги, это здание выглядело более величественно. По форме оно напоминало букву «П» – это Ноа увидел на карте. Главный вход находился прямо в центре строения. Высокие стрельчатые двери из черного дерева по обеим сторонам были окружены статуями грифонов.

Ноа, прожив всю жизнь в Греции, не мог не увлекаться мифологией. Ведь все призывало к этому – горы, густонаселенные долины, множество островов как будто кричали о своей тысячелетней истории. В Греции даже воздух был пропитан чем-то мифическим. Читая книжки о подвигах героев, он так погружался в атмосферу Древней Греции, что забывал о реальном времени. Поэтому парень хорошо знал, что грифоны – одни из самых противоречивых существ греческой мифологии. Эти сверхъестественные создания объединяли в себе Небо и Землю, Добро и Зло – в одних мифах они выступали как защитники, в других, как самые яростные разрушители.

– Это не просто статуи, – Ноа услышал знакомый писклявый голосок Осо. Если честно, парень за время в лазарете уже и думать забыл о ней. – Махаон сказал мне, что грифоны не зря стоят прямо перед входом в школу. Они олицетворяют учеников, то есть нас, служат напоминанием, что каждый в этой школе одновременно хранит в себе и добро, и зло. Нас, по сути, определяет лишь наш выбор.

– Спасибо за лекцию, – процедил Ноа, хотя про себя он отметил, что дружелюбие и болтливость Осо почти его не бесят. Возможно, парень просто начинал привыкать.

Вместе они вошли в здание и сразу же очутились в круглом большом холле. Здесь уже собрались другие первогодки. Кто-то из них болтал, кто-то изумленно рассматривал зал, а одна девочка сидела на полу и читала книгу. На мгновение они отвлеклись и взглянули на Ноа и Осо, но затем снова вернулись к своим занятиям.

Подойдя к остальным ребятам, Ноа резко развернулся и взглянул на Осо. Она молчала, но по лицу девушки было видно, что ей очень хочется все здесь обсудить и всем восхититься.

– Говори уже, – буркнул Ноа.

– Я так жду занятия по истории Виридитерры! – воскликнула она. – Махаон сказал, что его проводят для всех студентов, прибывших с Земли.

Ноа хотел ответить, что он тоже видел расписание в свитке, но промолчал. А Осо принялась щебетать. Она все болтала и болтала. Ноа ее почти не слушал, но, несмотря на это, заметил, что в ее монологе он слишком часто слышит имя «Махаон».

– Ты очень много говоришь о нем, – перебив Осо, когда она в очередной раз упомянула этого парня, заметил Ноа.

– Он просто рассказывал мне о Виридитерре, вот и все, – с гордостью проговорила Осо, а ее щеки налились краской.

В этот момент стрельчатая дверь, ведущая из теплого уютного холла на улицу, снова скрипнула. Ребята по инерции взглянули на нее, ожидая увидеть других первогодок. Ноа тоже ждал, но вместо таких же новичков в двери появилась хрупкая девичья фигурка в плаще фиалкового цвета. Сбросив капюшон, девушка открыла свое лицо и ярко-рыжие волосы рассыпались по ее немного угловатым, даже тощим, плечам. Ноа хорошо запомнил эту особу, после их стычки в столовой.

Девушка уверенной походкой направилась прямо туда, где собрались все первогодки. Увидев Ноа, она стрельнула в его сторону злобным взглядом и слегка поморщила нос, как будто почувствовала неприятный запах. Но в целом больше она никак не показала свою неприязнь к парню, за что Ноа был ей почти благодарен.

– Приветствую вас, первогодки, – Ноа услышал знакомый высокий, как будто с претензией голос. – Меня зовут Эсмеральда Дарксон. Я глава ученического совета школы Хэксенштадт. И поэтому мне поручили провести у вас вводное занятие.

Ребята-первогодки с интересом и немного со страхом изучали рыжеволосую девушку. Даже Ноа про себя отметил, что Эсмеральда при всей ее худощавости и угловатости выглядела угрожающе.

Рыжеволосая резко повернулась к ребятам спиной, взмахнув копной густых волос, и двинулась вглубь холла, к одной из лестниц.

– Прошу за мной, первогодки, – ребята услышали ее голос и нерешительно последовали за Эсмеральдой.

***

Эсмеральда провела первогодок по зданию школы, показала им учебные классы и немного рассказала о каждом из преподавателей.

Так, например, Ноа узнал, что его проводник в испытании Абсолютом – Тоби Гейтс – преподает в Хэксенштадте основы телепатии. Да и вообще, что Гейтс принадлежал к той породе учителей, которые не делят своих учеников на любимчиков и нет. А еще Эсмеральда предусмотрительно упомянула, что домашнее задание по основам телепатии лучше выполнять всегда, иначе рискуешь в наказание быть покусанным своим же преподавателем. Ноа, конечно, мог лишь смутно это представить, так как учителя в Греции себе таких вольностей не позволяли.

Обойдя все кабинеты на верхнем этаже первогодки, вместе со своей проводницей, вновь спустились на первый этаж, но уже по другой лестнице. Эсмеральда вела своих подопечных практически в полном молчании. Тишина и угрожающий вид рыжеволосой действовал им на нервы, поэтому первогодки тоже молчали, не решаясь давать вопросы или хотя бы перешептываться между собой. Хотя ребятам явно было что обсудить. Даже Осо, которой обычно не свойственно молчание дольше тридцати секунд, не проронила ни слова с тех пор, как Эсмеральда появилась в тяжелых стрельчатых дверях холла.

Спустившись по лестнице рыжеволосая остановилась и ребята вместе с ней. Она оглядела первогодок тяжелым, презрительным взглядом и вновь подала голос:

– Сейчас я проведу вас в библиотеку, но перед этим мы пройдемся по Коридору Славы, там вы увидите портреты и имена самых выдающихся выпускников Хэксенштадта. Я не буду подробно рассказывать вам о них, эти знания вы, если, конечно, захотите, добудете сами. Вся информация о них есть в библиотеке, а их имена написаны на табличках. А сейчас за мной, – Эсмеральда вновь повернулась спиной к ребятам и двинулась вперед, к дверному проему.

Войдя за дверь, ребята очутились в длинном коридоре, стены которого были полностью увешаны портретами магов и волшебниц. Деревянный пол был устлан темно-синим ковром, а на расстоянии между портретами стояли пьедесталы с различными артефактами и кубками. Эсмеральда двигалась вглубь коридора к еще одной тяжелой стрельчатой двери.

Ноа не обращал внимания на портреты и просто шел вслед за рыжеволосой. Но вскоре его внимание привлекло изображение одного мужчины. Он был знаком Ноа по фотографии, которую парень нашел, проходя испытание Абсолюта. На портрете был изображен мужчина в белой рубашке с пышным жабо и черной безрукавке. Такой наряд Ноа уже видел в своем ночном кошмаре. Только теперь, в отличие от своего сна, парень наконец-то смог разглядеть его лицо – каждую морщинку под глазами, блеск в голубых глазах и добрую улыбку.

Ноа бросил беглый взгляд на золотистую табличку под портретом, на ней витиеватыми буквами было аккуратно выведено имя – «Киллиан Никифори». И тут, как гром среди ясного неба, на парня свалились обрывки воспоминаний со дня убийства матери. Ноа прошиб холодный пот, когда в его голове зазвучал отчаянный вскрик Неи: «Киллиан!». «Я убил его» – от этого голоса ледяного голоса внутри парня словно поднялась волна отчаяния и одновременно ярости.

Кем бы ни был этот Киллиан, Ноа должен узнать про него все. Найти родственников и друзей, найти соратников в своем желании отомстить мужчине, который убил его мать.

– Эй, первогодка, чего застыл? – резкий голос Эсмеральды вернул парня в реальность.

– Я… эээ… да ничего, просто… – Ноа искал более-менее правдоподобные оправдания своему ступору, но рыжеволосая вновь заговорила, избавив парня от мучительных поисков:

– Мне плевать. Пойдем, времени у нас не так много.

Ноа быстро догнал группу первогодок, которые стояли уже почти около входа в библиотеку и старался делать вид, что ничего не произошло, параллельно избегая вопросительных взглядов Осо.

Эсмеральда вдруг остановилась в конце коридора, заканчивающимся овальной комнатой, где также были развешены портреты, но вдобавок к этому здесь висели еще и гобелены с гербами. Один из них Ноа удалось узнать – этого черного волка он видел на стене в карте Энгстелиг, – но здесь он был маленький, совсем незначительный в сравнении с размерами гербов других родов. Заинтересовавшись, он подошел ближе, чтобы прочитать информацию под гербом. Табличка рассказывала о знатном и древнем роде Энгстелигов, которые испокон веков служили императору Вельтерна палачами. Ноа не успел дочитать дальше, потому что его за рукав дернула Осо и обратила его внимание на себя:

– Ноа, смотри! Там герб Вайскопфов! – шикнула она восхищенно.

Он обвел взглядом герба, и действительно под одним из них заметил свою фамилию. Он хотел подойти ближе и прочитать, но в этот же момент Эсмеральда заговорила громко и властно:

– Хватит блуждать по залу.

Осо недовольно фыркнула, и Ноа подумал, что это, наверное, первое, в чем они были согласны.

– Это Зал истории и гордости, – сказала Эсмеральда. – Здесь вы можете увидеть герб империи Вельтерн и, конечно же, герба пяти аристократических родов, помогающих императору. Зал истории и гордости нужен здесь для того, чтобы напомнить о том, что даже аристократам требуется помощь в овладении даром магии.

Затем все ребята во главе с Эсмеральдой вошли в библиотеку.

Глава 7

Помещение, в которое попали ребята, было примерно в два раза больше Зала истории и гордости. Кругом по всему периметру библиотеки мирно стояли высокие – почти до самого потолка – стеллажи с книгами, а проходы между ними были такими узкими, что пройти там можно было лишь колонной по двое. Больше всего поражал стеклянный купол, служивший библиотеке потолком. Здесь насчитывалось, наверное, несколько тысяч книг. В любом случае их было так много, что рябило в глазах. Эсмеральда молчала, но кивком указала ребятам, что они могут здесь осмотреться.

Первогодки разбрелись кто куда, Ноа же почему-то следовал за Осо. Девчонка шла вдоль ряда стеллажей и влюбленным взглядом – таким, какого не удостаивается даже принц на белом коне – оглядывала полки. Иногда она останавливалась, аккуратно проводила пальцем по корешку какой-нибудь старой книги и брела дальше. От этого зрелища Ноа немного передергивало – библиотека выглядела пустынной, и он невольно представлял, в какой пыли стоят эти книги.

Ноа любил читать, но его больше привлекали новые, только-только купленные в магазине, книги. Парню нравилось снимать с них упаковку, вдыхать запах типографской краски, слышать шелест еще жестких белых листов.

Дойдя до конца ряда, Осо обошла стеллаж с другой стороны и вновь побрела вдоль, а Ноа за ней. Так ребята все шли и шли между стеллажами, Осо – внимательно изучая книги; Ноа – пытаясь просто не отстать от девушки. Они вместе обошли несколько рядов, пока не добрались до центра комнаты. Там, нарушая всякий порядок, стеллажи стояли полукругом, выделяя пространство для стола библиотекарши. А чуть поодаль от него стоял какой-то пьедестал, который обступали с двух сторон шкафы с картотеками и который привлек внимание Ноа, хотя он и не мог понять, почему именно.

Осо с усмешкой посмотрела на него и проговорила:

– Ты тоже заметил, да? Пьедестал не может быть пустым. Там всегда что-то должно стоять.

С противоположной стороны к столу подошла средних лет женщина, со светлыми, слегка уходившими в рыжину волосами, которые она собрала в тугой пучок. На носу, как и полагалось любой библиотекарше, у нее были квадратные очки с толстыми линзами, но они совсем не портили миловидные черты ее лица. Женщина не замечала ребят, которые приблизились к ее столу, они мирно наливала какую-то жидкость из пухлого чайничка в фарфоровую чашку.

– Простите, – начала разговор Осо, а библиотекарша, испугавшись ее звонкого голоса, негромко вскрикнула и выронила чайничек из рук. Ноа заметил, как то ли от страха, то ли от удивления, расширились глаза его спутницы, которая сразу же принялась что-то бессвязно лепетать женщине: – Я… извините… не нужно было мне…

– Ничего-ничего, милочка, я позже уберу, – певуче протянула женщина, а затем поднялась со стула, обтянула темно-синий твидовый пиджак и произнесла: – Меня зовут Алатея, я заведую библиотекой.

Возле стола повисло неловкое молчание, затем библиотекарша сделала то, чего ребята вообще никак ожидать не могли – она повернулась к шкафу с картотекой, который находился прямо за ее спиной, и начала лепетать себе под нос:

– Ура! Новые студенты! Я уже и не ждала! – все свои слова Алатея подкрепила действиями: сжала кулачки, согнула руки в локтях и стала подпрыгивать на месте. Затем женщина успокоилась, и вновь залепетала: – Что же мне делать? Что я могу им предложить? О-о-о, здесь так редко кто-то бывает, что я совсем разучилась общаться с людьми.

– Простите, – Осо снова подала голос, – это у Вас чай? – девушка указала на чашку, дно которой покрывала золотистая жидкость.

– О, да, зеленый с бергамотом. Такой пьют на Земле – библиотекарша вновь обратила внимание на ребят, – хотите? – Алатея протянула Осо почти пустую чашку, при этом губы женщины растянулись в такой широченной улыбке, что Чеширский кот ей бы позавидовал.

– Н-нет, спасибо, – неуверенно отказалась девушка. Улыбка вмиг исчезла с лица Алатеи, и она немного виновато вернула чашку на стол.

Если Ноа всегда подозревал, что все библиотекарши немного не в себе, то Алатея это стопроцентно ему доказала.

– Но я думала, что в Хэксенштадте нет земных продуктов, – все не унималась Осо.

Алатея ласково, но с долей недоумения взглянула на девушку:

– О, ты права, милочка. Но их можно приобрести за пределами школы, на Ярмарке, – женщина немного помолчала, обдумывая, говорить дальше или нет, а затем наклонилась к ребятам и шепотом произнесла: – Чай мне приносит один ученик. Ему о-о-очень нравится читать, поэтому здесь он бывает чаще, чем другие. Так мы и подружились. – Алатея отодвинулась от ребят и с гордостью, как показалось Ноа, посмотрела на них.

– А разве ученикам можно покидать Хэксенштадт? – этот вопрос слетел с губ парня сам по себе. Он знал, что, если он хочет отомстить за смерть матери, ему придется покинуть Хэксенштадт, поэтому нужно узнать, как это сделать. И не важно, разрешено это или нет. Но ответа Ноа так и не услышал, потому что за его спиной появилась Эсмеральда.

Рыжеволосая ехидно посмотрела на ребят, затем на Алатею. Парню даже показалось, что от этого взгляда библиотекарша словно ужалась, стала меньше.

– О, я вижу, вы уже подружились, – губы Эсмеральды скривились в ухмылке. – Ей нравятся такие, как вы.

Осо, оскорбившись, шумно втянула носом воздух и уже собиралась что-то ответить рыжеволосой, но Ноа схватил ее за предплечье, надеясь, что это успокоит девушку. Ведь парень слишком хорошо знал, что чем больше поддаешься на провокации, тем больше будут провоцировать.

На удивление, Осо действительно ничего не сказала Эсмеральде – лишь проворчала себе что-то под нос, – поэтому та, смерив девушку презрительным взглядом небрежно бросила:

– Ладно, детки, развлекайтесь, экскурсия окончена, – а затем резко развернулась и быстрым шагом пошла к выходу из библиотеки.

Как только ее фигура скрылась за стеллажами, Осо резко выдернула свою руку из хватки Ноа:

– У-у-у, гадюка несчастная, – даже щеки девушки покраснели от злости. – Зачем ты меня остановил? Я бы ей сказала пару ласковых, – она гневно стрельнула взглядом в сторону Ноа.

С уходом Эсмеральды библиотекарша вновь оживилась, расправила плечи и пропела своим мелодичным голосом:

– Она настоящая зазнайка! – затем опасливо огляделась по сторонам и добавила: – Моему другу она тоже не нравится.

И прежде, чем Ноа успел побольше разузнать про друга Алатеи, Осо дернула его за руку и пролепетала что-то про первый урок. Так что этот разговор парень решил отложить на потом, ведь все равно ему скорее всего придется провести много времени в библиотеке, в поисках информации про Киллиана.

– Скорее, Ноа, – подгоняла его девчонка, она нетерпеливо тащила его за руку по лабиринту из стеллажей к выходу из библиотеки. А Алатея тем временем провожала ребят грустным взглядом.

***

Выйдя из библиотеки, ребята по карте пытались определить, где же пройдет их первое занятие. Они были похожи на беспомощных щенков, которые заблудились в этой огромной академии. Ребята несколько раз сворачивали не туда, конечно же, по вине Осо, как думал Ноа. За десять минут поисков они смогли лишь выйти из библиотеки в холл, где начиналась их экскурсия.

«Эта девчонка совсем не умеет пользоваться картой», – раздосадованно думал парень, но сам не решался, взять на себя ответственность и привести их на первое занятие.

И вдруг Ноа услышал знакомый размеренный голос, который позвал его по имени. Парень повернулся лицом к лестнице и увидел, что к ним спускается Франциск. Мужчина радушно улыбнулся и, подойдя ближе к ребятам, протянул Ноа руку в знак приветствия.

– Рад, что ты прошел испытание, – улыбка мужчины стала еще шире, затем он отпустил руку парня, повернулся лицом к Осо, дружелюбно обнял ее и добавил: – Рад, что вы оба прошли испытание.

Осо от такого неожиданного радушия даже покраснела и стыдливо опустила взгляд в пол, когда Франциск выпустил ее из объятий.

Ноа же был поражен тем, как сильно изменилось поведение мужчины, когда рядом нет Энгстелиг. Сейчас Франциск выглядел не таким собранным и серьезным, как при их первой встрече. Ноа даже мог поклясться, что разглядел в глазах мужчины пляшущие озорные огоньки.

Франциск тем временем положил тяжелую руку на плечо парня и проговорил:

– Можно тебя на пару слов?

Вместе они зашагали в сторону выхода. Ноа оглянулся на Осо, слабо надеясь, что она знает, зачем Франциск уводит его, но девушка лишь покачала головой.

Погода на улице изменилась. Солнце было совсем уже высоко, хотя и грело едва-едва. Ноа ощутил на своем лице легкое дуновение ветерка, от которого настроение парня без видимой на то причины сразу улучшилось.

Мужчина остановился около статуи грифона и заговорил мягко, но в то же время с легким налетом строгости, как бы намекая на важность этой беседы.

– У тебя сегодня особенный день, – с воодушевлением произнес Франциск.

Ноа совершенно не представлял, что ему ответить и поэтому он лишь глупо промычал что-то отдаленно напоминавшее «угу». Мужчина же продолжил свой монолог, не дожидаясь, пока Ноа сможет сформулировать более-менее пристойный ответ:

– Знаешь, я помню свой первый учебный день в Хэксенштадте, – он снова улыбнулся и парень, случайно взглянувший ему в глаза, смог уловить во взгляде мужчины легкую ностальгию. – Я был вымотан морально и физически, но в тоже время так счастлив, словно мне открылась какая-то неведомая сила. Да, первый день в Хэксенштадте всегда бесподобен. – Франциск усмехнулся. – Ну и, конечно, больше всего меня радовало, что я наконец-то смог сбежать из дома.

Франциск потер каменную спину грифона и продолжил:

– Сегодня, Ноа, ты узнаешь одни из многих тайн нашего магического мира, соприкоснешься с силой, которая уже давно таится в тебе. И я хочу, чтобы вот эта вещь, – мужчина достал из кармана своего пиджака красный вельветовый мешочек на завязках, – была сегодня, да и вообще все время с тобой.

Ноа протянул руку, и Франциск вложил в нее свой подарок. Мешочек был тяжелее, чем это могло показаться на первый взгляд. Парень раскрыл его и извлек короткие металлические ножны, украшенные рубином в центре. Ноа был заворожен простотой и в то же время великолепием подарка. Он еще некоторое время крутил ножны в руках, ощущая холод металла на своей коже, затем провел пальцем по выпуклым граням камня.

– Спасибо, – Ноа, смущаясь, не поднимал взгляда от подарка, – но у меня нет ничего для Вас в ответ.

Франциск весело засмеялся и похлопал парня по плечу:

– Эх, Ноа, подарки дарят не для того, чтобы получить что-то в ответ. Просто люди так говорят: «Я забочусь о тебе».

Мужчина еще раз дружелюбно улыбнулся и, попрощавшись с парнем, ушел. Ноа же задумчиво вертел в руках ножны. Все в них было прекрасно: холодный отблеск стали, рубин, акцентировавший на себе все внимание, плавные линии граней и выщербленый прямо на металле рисунок в виде тонких, переплетающихся между собой линий, которые как бы окружали и охраняли красный камень.

Ноа посмотрел вслед Франциску, все еще не понимая, что такой добродушный человек делает подле такой грубой Энгстелиг.

***

День, как и говорил Франциск, был просто переполнен событиями. На первом занятии приор Бомер, мужчина лет пятидесяти пяти с жидкой седой бородкой, с таким воодушевлением и упоением рассказывал ученикам об артефактах, словно живых существах, что Ноа даже невольно позавидовал его энтузиазму. Приор Бомер не спеша прохаживался по классу, то и дело останавливаясь возле кого-нибудь из первогодок, и раздавал команды типа: «Сосредоточься», «Дай артефакту почувствовать, что ты его хозяин». Все эти советы, по сути, были бесполезны для Ноа, ведь как бы парень ни старался, все равно что-то не получалось. Ноа и поглаживал меч, и мысленно молил его «Ну, подчинись же ты!», и даже пробовал сильно сжать рукоять, дабы намекнуть непослушному артефакту, кто здесь главный, но никакого прилива сил, как обещал сир Бомер, он не почувствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/li_teri/viriditerra-nachalo-puti

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити